НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВИКТИМОЛОГИЯ

№ 2(2) / 2014

ЗАРЕГИСТРИРОВАН В МИНИСТЕРСТВЕ СВЯЗИ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СВИДЕТЕЛЬСТВО ПИ № ФС 77–57507 от 27.03.2014
ИЗДАЕТСЯ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
А. В. МАЙОРОВ
кандидат юридических наук, доцент

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
Е. К. СОГРИН

КОРРЕКТУРА
А. М. БЫТОВ

ВЕРСТКА
В. А. ПЕЧЕНКИН

ПЕРЕВОД
М. А. МАРТЫНОВА

УЧРЕДИТЕЛИ:
ООО «ЭСКУЭЛА»
ООО «ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

РЕДАКЦИЯ:
Россия, 454080,
г. Челябинск, а/я 12550
Тел./факс: 8 (351) 231-09-91
E-mail: victimologiy@mail.ru

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов

Подписано в печать 30.12.2014
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 7,44
Тираж 300 экз. Заказ №___
Цена свободная

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:
В. И. НАЗАРОВ
кандидат юридических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ:
Ю. А. ВОРОНИН
доктор юридических наук, профессор

К. В. ВИШНЕВЕЦКИЙ
доктор юридических наук, профессор

Н. И. ИОГОЛЕВИЧ
доктор психологических наук, профессор

Н. П. ЛЕЖНЕВА
доктор педагогических наук, профессор

Р. А. САБИТОВ
доктор юридических наук, профессор

З. Р. ТАНАЕВА
доктор педагогических наук, доцент

П. Н. ФЕЩЕНКО
кандидат юридических наук, доцент

Э. Г. ЮЗИХАНОВА
доктор юридических наук, профессор

© Редакция журнала «ВИКТИМОЛОГИЯ», 2014

THEORETICAL AND PRACTICAL JOURNAL

VICTIMOLOGY

№ 2(2) / 2014

THE JOURNAL IS REGISTERED IN MINISTRY OF COMMUNICATIONS AND MASS MEDIA
CERTIFICATE ПИ № ФС 77–57507 of March 27, 2014
THE JOURNAL IS PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR

CHIEF EDITOR
A. V. MAYOROV
candidate of law sciences,
associate professor

MANAGING EDITOR
E. K. SOGRIN

PROOFREADER
A. M. BYTOV

PAGE-PROOFS
V. A. PECHENKIN

TRANSLATION
M. A. MARTYNOVA

THE FOUNDERS:
LLC «ESCUELA»
LLC «SOUTH-URAL LAW BULLETIN»

EDITORIAL OFFICE:
Russia, 454080,
Chelyabinsk, p. o. 12550
Phone/fax: 8 (351) 231-09-91
E-mail: victimologiy@mail.ru

The authors of the published materials are responsible for the authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information, as well as for compliance with the intellectual property law

Sent for the press by Desember 30, 2014
Format 60x84/8. Conv. print. sh. 7,44
Edition 300 copies. Order №___
Price is free

EDITORIAL BOARD:

CHAIRMAN:
V. I. NAZAROV
candidate of law sciences, professor

VICE-CHAIRMAN:
YU. A. VORONIN
doctor of law sciences, professor

K. V. VISHNEVETSKIJ
doctor of law sciences, professor

N. I. IOGOLEVICH
doctor of psychological sciences, professor

N. P. LEZHNEVA
doctor of pedagogical sciences, professor

R. A. SABITOV
doctor of law sciences, professor

Z.R. TANAEVA
do ctor of pedagogical sciences, associate professor

P. N. FESHCHENKO
candidate of law sciences, associate professor

E. G. YUZIKHANOVA
doctor of law sciences, professor

© Editorial office of the journal «VICTIMOLOGY», 2014

В НОМЕРЕ

Колонка редактора 5

ТЕОРИЯ УЧЕНИЯ О ЖЕРТВЕ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

ХАЛАФЯН Р. М.
О значении международных актов для защиты прав и свобод человека и установления пределов их ограничения 6

МАЙОРОВ А. В.
Защита прав человека: виктимологический аспект 12

ДЕСЯТОВА О. В.
Правовая оценка причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное посягательство: виктимологическое измерение 16

НАЗАРОВА А. В., ТЕБЕНЬКОВ Р. П.
Правовой статус потерпевшего в административном законодательстве России 23

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ВИКТИМНОСТЬ

ЗАХАРЧУК С. Д.
Понятие и структура уголовно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел как потерпевших 26

ГАРМАНОВ В. М.
Отдельные направления предупреждения виктимности сотрудников полиции 34

РЕПАКОВА О. Н.
Обеспечение виктимологической безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы от криминальных посягательств осужденных 41

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

СКУРИХИНА А. А., РОНЖИНА О. С.
Виктимность в сфере компьютерных преступлений 47

МАЙОРОВ В. И.
Урегулирование конфликта интересов в системе государственной службы как мера социального противодействия коррупции 51

ЗЕЛЕНКИН В. Л.
О профилактике коррупции в сфере государственной службы 59

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления рукописей статей в научный журнал «ВИКТИМОЛОГИЯ» 63

IN THIS ISSUE

Editor's column 5

THE THEORY OF THE DOCTRINE ON THE VICTIM AND HUMAN RIGHTS

HALAFYAN R. M.
On the value of the international acts for protection of the rights and freedoms of the person and establishment of limits of its restriction 6

MAYOROV A. V.
Human rights protection: victimological aspect 12

DESYATOVA O. V.
Legal assessment of injury at detention of the person who committed socially dangerous encroachment: victimological measurement 16

NAZAROVA A. V., TEBENKOV R. P.
Legal status of the victim in the administrative legislation of Russia 23

PROFESSIONAL VICTIMOLOGY

ZAKHARCHUK S. D.
The concept and structure of criminal legal status of employees of law enforcement bodies as victims. 26

GARMANOV V. M.
Certain directions of the prevention of victimization of police officers 34

REPAKOVA O. N.
Ensuring victimological safety of employees of the penitentiary system from the criminal encroachment of condemned 41

CRIME PREVENTION

SKURIHINA A. A., RONZHINA O. S.
Victimization in the sphere of computer crimes. 47

MAYOROV V. I.
Settlement of conflict of interests in system of public service as the measure of social counteraction of corruption 51

ZELENKIN V. L.
On the prevention of corruption in the sphere of public service 59

INFORMATION FOR AUTHORS

Terms of manuscripts of articles in the scientific journal «VICTIMOLOGY» 63

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Представляем Вашему вниманию очередной выпуск научно-практического журнала «Виктимология».

В рубрике «Теория учения о жертве и права человека» хотелось бы отметить статью Р. М. Халафяна «О значении международных актов для защиты прав и свобод человека и установления пределов их ограничения», которая выполнена в рамках проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К). Данная статья посвящена влиянию международного права на институт защиты прав и свобод человека. С учетом различных международных актов рассматриваются пределы ограничения прав и свобод человека, обращается внимание на роль и значение международного права для Российской Федерации. Автор приводит примеры рекомендаций международных организаций, иных международных актов рекомендательного, морально-политического характера, получивших наибольшее распространение в национальной судебной практике.

Интересна, на наш взгляд, статья О. В. Десятовой «Правовая оценка причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное посягательство: виктимологическое измерение». Автором рассматривается проблема уголовно-правовой оценки действий лиц, причиняющих вред при задержании, совершивших общественно опасные деяния и не являющихся субъектами преступления в силу недостижения возраста уголовной ответственности и невменяемости. Вносится предложения по изменению редакции статьи 38 УК РФ. Автор предлагает рассматривать основания применения данной статьи и в случаях задержания не только на лиц, являющихся субъектами преступления, но и невменяемых, либо лиц, не достигших возраста уголовной ответственности.

Актуальна, как нам кажется, рубрика «Профессиональная виктимность», в которой представлен ряд статей, посвященных этой проблематике. В данной рубрике хотелось бы отметить статью В. М. Гарманова «Отдельные направления предупреждения виктимности сотрудников полиции». В статье рассматриваются вопросы предупреждения виктимности сотрудников полиции в целях поиска практических направлений применения результатов виктимологических исследований в данной области. Автором рассматриваются направления, связанные с изучением причин и условий, способствующих совершению посягательств на сотрудников полиции, вопросы совершенствования профессиональной подготовки и предупреждения недопустимых действий в отношении сотрудников полиции со стороны граждан. Не менее интересна и статья начинающего автора О. Н. Репаковой «Обеспечение виктимологической безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы от криминальных посягательств осужденных». Внимание автора обращено к вопросам реформирования уголовно-исполнительной системы в связи с анализом причин криминальной активности осужденных и необходимостью обеспечения должного уровня безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы. В завершение исследования вопроса автором предлагаются пути решения обозначенных в статье проблем.

Рубрика «Предупреждение преступности» объединяет статьи, посвященные рассмотрению вопросов противодействия различного рода преступлениям. Интерес представляют статьи о профилактике и противодействии коррупции в сфере государственной службы – В. И. Майорова «Урегулирование конфликта интересов в системе государственной службы как мера социального противодействия коррупции», а также В. Л. Зеленкина «О профилактике коррупции в сфере государственной службы».

Приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов материалов и научных статей. Надеемся, что наш журнал будет полезен Вам в научной и практической деятельности!

С уважением,
главный редактор
А. В. Майоров

ТЕОРИЯ УЧЕНИЯ О ЖЕРТВЕ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

УДК 341.231.145

Халафян Р. М.

О ЗНАЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОВ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ*

Статья посвящена влиянию международного права на институт защиты прав и свобод человека. С учетом различных международных актов рассматриваются пределы ограничения прав и свобод человека. Обращается внимание на роль и значение международного права для Российской Федерации, приводятся примеры рекомендаций международных организаций, иных международных актов рекомендательного, морально-политического характера, получивших наибольшее распространение в национальной судебной практике.

Ключевые слова: *защита права человека, международное право, рекомендации международных организаций, Российская Федерация, ограничение прав человека.*

Halafyan R. M.

ON THE VALUE OF THE INTERNATIONAL ACTS FOR PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF THE PERSON AND ESTABLISHMENT OF LIMITS OF ITS RESTRICTION

* Работа выполнена в рамках проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

The research is performed within the project «The limits of restriction of the rights of the personality in criminal trial for ensuring national security of the state: the criminal procedure and criminalistic analysis», realized within the draft of the state task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in 2014–2016 in the sphere of scientific activity (number of a task 29.1247.2014/K).

The article is devoted to the influence of international law on institute of protection of the rights and freedoms of the person. Taking into account various international acts limits of restriction of the rights and freedoms of the person are considered. The attention to a role and value of international law for the Russian Federation is paid, examples of recommendations of the international organizations, other international acts of advisory, moral and political nature which gained the greatest distribution in national court practice are given.

Keywords: *protection of a human right, international law, recommendations of the international organizations, the Russian Federation, restriction of human rights.*

Развитие международных отношений показало, что защита прав человека не является исключительным предметом ведения государства. С момента принятия Устава ООН и начала формирования современного этапа развития международного права происходит осознание важности регулирования данной области общественных отношений не только на государственном, но и на межгосударственном уровне. Подобный процесс является закономерным отражением существующих между странами связей (политических, социально-экономических, дипломатических и т. п.) и обусловлен возможностью решения глобальных проблем, в том числе связанных с защитой прав человека, совместными усилиями. Для этого создаются соответствующие правовые основы, учреждаются международные правозащитные институты.

Всеобщее уважение прав человека и основных свобод является одним из основных принципов современного международного права[1]. С целью его реализации государства связаны большим количеством договорных и иных международных обязательств. Так, одной из целей, преследуемых ООН, является поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии (статья 1). На основании пункта 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, каждое участвующее в нем государство обязуется, в частности, обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в данном Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.

Помимо универсальных, заключен ряд региональных соглашений в области прав и свобод человека: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Американская конвенция о правах человека 1969 года, Африканская хартия прав человека и прав народов 1981 года, Арабская хартия прав человека 2004 года. Указанными международными актами декларируется перечень прав и свобод человека, предусматриваются судебные и внесудебные механизмы их защиты (Европейский суд по правам человека, Межамериканская комиссия по правам человека и Американский суд по правам человека, Африканский суд по правам человека и народов и Африканская комиссия по правам человека и народов). Исключение составляет азиатская система защиты прав человека, где, в силу разного рода причин, международные правовые акты пока отсутствуют.

Большое влияние имеют международные неправительственные организации, занимающиеся защитой прав человека (*Amnesty International, Human Rights Watch* и др.). В 2006 году Комиссией международного права ООН завершена работа над «Проектом статей о дипломатической защите», в котором регулируется порядок защиты государством по дипломатическим каналам прав своих граждан и юридических лиц, нарушенных иностранным государством.

Возможность обращения в те или иные международные органы для защиты своих прав и свобод позволила отдельным специалистам высказать мнение о том, что индивид является субъектом международного права, но с ограниченной правосубъектностью[2].

При характеристике международных норм, определяющих порядок защиты прав и свобод человека, следует также уделять внимание рекомендациям международных организаций, международным договоренностям, решениям межправительственных конференций и дру-

гим международным актам, обладающим рекомендательным, морально-политическим характером. Последние зачастую содержат призывы, пожелания членам мирового сообщества о необходимости соблюдения прав человека и гражданина, способствуют разработке правовых норм. Например, в пункте 6 Декларации совещания на высоком уровне Генеральной Ассамблеи по вопросу о верховенстве права на национальном и международном уровнях 2012 года закреплены обязательства содействовать всеобщему уважению, соблюдению и защите всех прав человека и основных свобод для всех.

В этой связи «существенное значение, – как отмечается в юридической литературе, – для эффективности воздействия на международные отношения имеет правильное сочетание правовых и других (и прежде всего политических) видов регулирования. Использование лишь международно-правового регулирования не всегда является оптимальным вариантом»[3].

Вместе с тем очевидно, что явно недостаточно лишь разработать нормативные основы защиты прав и свобод человека на международном уровне, вследствие чего актуальным видится создание эффективного механизма их реализации. Под предлогом следования правам человека на международной арене порою происходят грубые нарушения и прав человека, и международных норм, направленных на их защиту («гуманитарная интервенция», концепция «ответственность за защиту»)[4].

Особое значение приобретает международное право для Российской Федерации. В соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Однако указанный конституционный принцип воспринимается органами государственной власти не только формально-юридически. Суды развили его буквальное содержание и опираются практически на все элементы международно-правовой системы – резолюции и рекомендации международных организаций, решения международных органов, модельные акты, правовые позиции и решения международных судебных учреждений[5].

Правовой анализ рекомендаций международных организаций, иных международных актов неправового характера, используемых российскими правоприменителями наиболее часто и, в частности, способных служить доказательством общепризнанных принципов и норм международного права, показал, что в данном случае следует вести речь о двух основных группах актов. К первой группе отнесем те из них, которые устанавливают надлежащий порядок осуществления прав различных категорий лиц:

1) несовершеннолетних (Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила» 1985 года; Декларация прав ребенка 1959 года);

2) страдающих психическими расстройствами (Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи 1991 года, рекомендация Парламентской Ассамблеи Совета Европы 818 (1977) «О положении психически больных»; рекомендация Комитета Министров Совета Европы № R(83)2 «Относительно правовой защиты лиц, страдающих психическим расстройством, которые были госпитализированы в принудительном порядке»);

3) иностранных граждан и лиц, без гражданства (Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают 1985 года; Резолюция (73) 7 Комитета Министров Совета Европы «О наказании за нарушения правил дорожного движения, совершенные при управлении транспортным средством под воздействием алкоголя»);

4) обратившихся в судебные органы за защитой своих законных прав и интересов (Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью 1985 года; Рекомендация № R(85)11 Комитета Министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса»);

5) подвергаемых ограничению в праве на свободу передвижения (Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме 1988 года; Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным

заключением (Токийские правила) 1990 года).

Вторая группа международных документов, подлежащих учету, менее многочисленная и касается различных требований, предъявляемых к отправлению правосудия и эффективной организации государственной власти: Основные принципы независимости судебных органов 1985 года, Процедуры эффективного осуществления основных принципов независимости судебных органов 1990 года, Бангалорские принципы поведения судей 2006 года, Рекомендация Комитета Министров Совета Европы № R(94)12 по вопросам независимости судей, Европейская хартия о законе о статусе судей 1998 года и др.

Конституция Российской Федерации признает наряду с такими формами защиты прав человека и гражданина, как самозащита, защита прав в судебном и в административном порядке, различные международные способы защиты прав и свобод человека (судебные и несудебные).

К примеру, Федеральным законом от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» Российская Федерация признала обязательную юрисдикцию Европейского суда по правам человека. Кроме того, Российская Федерация является участником важнейших международных договоров в области прав человека (Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года; Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года, Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года, Конвенции о правах ребенка 1989 года, Конвенции о правах инвалидов 2006 года и др.), на основе которых функционируют договорные органы по правам человека: соответственно Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет против пыток, Комитет по правам ребенка, Комитет по правам инвалидов и др. Для них характерно: проведение анализа выполнения государством его обязательств по международному договору, рассмотрение индивидуальных жалоб, подготовка замечаний общего порядка, проведение расследований. При этом одни механизмы работают по всем четырем направлениям, тогда как другие – по одному или нескольким[6].

Вопросам имплементации международного права и реализации рекомендаций международных организаций, решений международных конференций и других международных актов, не налагающих юридических обязательств, уделяется внимание в доктрине[7].

Ограничение прав человека. Отечественными специалистами институт ограничения прав и свобод человека понимается по-разному[8]. Так, И. Н. Кондрат полагает, что специфика ограничения прав и свобод личности состоит: во-первых, в их законодательном санкционировании. Во-вторых, в целях, сформулированных в Конституции, что свидетельствует об ограниченности возможных ограничений прав и свобод личности. В-третьих, представляет собой не уменьшение объема, целостности, их качественной определенности, а ограничение условий и возможностей притязать на них. В-четвертых, может допускаться лишь как временная мера[9].

В соответствии с частью 3 статьи 55 Конституции права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Данная норма соответствует международным договорам Российской Федерации. При этом указывается на наличие небольших различий в целях такого ограничения[10].

Например, согласно пункту 2 статьи 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 года при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью *обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.*

Из Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года,

в частности следует, что пользование правом беспрепятственно придерживаться своих мнений и правом свободном выражать свое мнение сопряжено с некоторыми ограничениями, которые должны быть установлены законом и являться необходимыми *для уважения прав и репутации других лиц; для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения* (статья 19).

В силу статьи 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года участвующие в нем государства признают, что в отношении пользования теми правами, которые то или иное государство обеспечивает в соответствии с данным Пактом, это государство может устанавливать только такие ограничения этих прав, которые определяются законом, и только постольку, поскольку это *совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе.*

Положения приведенных выше важнейших международных соглашений были предметом толкования авторитетной группы экспертов в 1985 году (Сиракузы, Италия) и в 1986 году (Маастрихт, Нидерланды).

В Сиракузских принципах толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах дается толкование правомерности ограничения прав в целом и отдельных положений об ограничении прав, в частности, содержатся следующие разъяснения: не допускаются никакие ограничения или основания для их применения в отношении прав, гарантируемых в Пакте, за исключением ограничений, которые рассматриваются в положениях самого Пакта (пункт 1), сфера применения ограничения не может быть истолкована таким образом, чтобы поставить под угрозу сущность соответствующего права (пункт 2), толкование любых ограничений должно быть максимально конкретным и любые сомнения должны решаться в пользу защиты рассматриваемых прав (пункт 3), все ограничения признаваемых в Пакте прав должны быть закреплены в соответствии с национальным законом и соответствовать целям и задачам Пакта (пункт 5), законом должны быть предусмотрены возможность обжалования и эффективные средства правовой защиты от неправомерного введения или применения каждого из ограничений (пункт 8), при применении ограничения, государство не должно применять меры, приводящие к большему ограничению прав, чем это необходимо для достижения цели, с которой вводится ограничение (пункт 11), обязанность доказать правомерность ограничения прав, гарантируемых в Пакте, лежит на государстве (пункт 12).

Согласно Лимбургским принципам осуществления Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, ни одно ограничение осуществления экономических, социальных и культурных прав не вводится иначе, как в соответствии с национальным законом общего применения, который не противоречит Пакту и действует в момент введения ограничения. Законы, вводящие ограничения на пользование экономическими, социальными и культурными правами, не должны быть произвольными, неразумными или дискриминационными. Правовые нормы, ограничивающие пользование экономическими, социальными и культурными правами, должны быть четкими и понятными всем. Законом должны быть предусмотрены соответствующие гарантии и эффективные средства правовой защиты от незаконного или неправомерного введения или применения ограничений экономических, социальных и культурных прав (пункты 48-51).

В статье 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года читаем: право свободно выражать свое мнение, включая свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ «может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, *для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц,*

предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия» (статья 10).

Таким образом, современное международное право уделяет значительное внимание такой важной области общественных отношений, как защита прав человека. Постепенный перенос данного вопроса из национальной плоскости на уровень, являющийся предметом регулирования всего международного сообщества, способствовал признанию универсального характера за рядом прав и свобод человека и гражданина, формированию механизмов их защиты. Закрепляя в различных договорных и иных международных актах широкий перечень прав и свобод, правовые основы функционирования договорных и недоговорных правозащитных институтов, государства выражают свою приверженность принципу верховенства прав человека.

В Конституции Российской Федерации указанные международные стандарты отражены. При этом внутригосударственная практика следует не только международным правовым, но и неправовым актам рекомендательного, морально-политического характера (договоренностям в рамках ОБСЕ, рекомендациям ООН и Комитета Министров Совета Европы, решениям Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и др.), направленным на защиту прав и свобод человека, касающихся правомерности их ограничения. Использование различных по своей природе международных документов способствует формированию и дальнейшему развитию правоприменения на основе международных стандартов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Курс международного права. В 7 т. Т. 2. Основные принципы международного права / Отв. ред. И.И. Лукашук. – М.: Наука, 1989. – С. 148–168.

[2] Карташкин В. А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – С. 100–103

[3] Мингазов Л. Х. Эффективность норм международного права. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – С. 123.

[4] Хлестов О. Н. Гуманитарная интервенция: политические и международно-правовые аспекты // Юрист-международник. – International-lawyer. – 2005. – № 3. – С. 35–40; Кривенкова М.В. Некоторые вопросы, связанные с применением концепции ответственности государств за защиту // Военно-юридический журнал. – 2013. – № 11. – С. 26–30.

[5] Марочкин С. Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. – С. 280–281.

[6] Абашидзе А. Х. Договорные органы по правам человека. – М.: РУДН, 2012. – С. 195.

[7] Волженкина В.М. Нормы международного права в российском уголовном процессе. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001; Брусницын Л. В. УПК РФ: соответствует ли он рекомендациям ООН и Совета Европы по обеспечению безопасности свидетелей // Уголовное право. – 2010. – № 6. – С. 59–66.

[8] Агеев В. Н. Конституционные ограничения основных прав и свобод личности в Российской Федерации: теория, история, практика: дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 2006. – С. 15–43.

[9] Кондрат И. Н. Ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: допустимость и пределы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 140.

[10] Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. 2-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – С. 113–114.

ХАЛАФЯН Рустам Мартикович, старший научный сотрудник Иркутского института законодательства и правовой информации им. М. М. Сперанского. г. Иркутск. E-mail: rustam_halafyan@mail.ru

УДК 343.412+343.988

Майоров А. В.

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Защита прав человека – основная задача правового государства. Предлагаемая статья посвящена рассмотрению механизма защиты прав жертв преступлений на универсальном (международном) и на национальном (государственном) уровне. Правила обращения с жертвами преступлений определяются в различных международно-правовых актах, которые являются обязательными для национального законодательства в сфере защиты их прав и законных интересов. Анализ действующего законодательства показывает, что некоторые вопросы виктимологической защиты прав человека и гражданина отражены и, отчасти, решаются посредством закрепления норм в Конституции РФ. Высказывается авторская позиция по проблеме реализации права человека на защиту в нашем государстве.

Ключевые слова: *защита прав, защита жертв, права человека, международные правовые акты, виктимная защищенность.*

Mayorov A. V.

HUMAN RIGHTS PROTECTION: VICTIMOLOGICAL ASPECT

Human rights protection – is the main objective of the constitutional state. The offered article is devoted to consideration of the mechanism of protection of the rights of the crime victims on universal (international) and at national (state) level. Rules of the treatment of the crime victims are defined in various international legal acts which are obligatory for the national legal system in the sphere of protection of their rights and legitimate interests. The analysis of the current legislation shows that some questions of victimological protection of human and citizen rights are reflected and, partly, are solved by means of fixing of norms in the Constitution of the Russian Federation. The author's position on a problem of realizing of a human right to protection in our state is expressed.

Keywords: *protection of the rights, protection of the victims, human rights, international legal acts, victimological security.*

Изучение личности занимает центральное место в правовой системе общества, ценность которой в значительной мере определяется тем, какая роль отводится в ней личности, как гарантируется охрана ее прав и свобод, интересов и благ, чести и достоинства, обеспечиваются безопасность и защищенность от различных угроз, в том числе и криминального характера.

Основная задача правового государства – обеспечить должный уровень защиты прав человека. Права человека должны предоставляться каждому индивиду и гарантироваться конституцией страны и национальным законодательством. Признавая международные нормы по правам человека, государство берет на себя обязательства не только перед международным сообществом, но и перед всеми, кто находится под его юрисдикцией.

Другими словами, безопасность личности требует такой организации конституционной материи, совершенствования ее регулятивного потенциала (действия),

когда конституционные права и свободы человека и гражданина дают возможность четко определить саму защищаемую ценность. В свою очередь, такое положение должно отразиться и на степени конкретизации корреспондирующей правам и свободам человека и гражданина конституционной обязанности государства.

В нашей стране Конституция РФ является основным нормативным актом, устанавливающим как основы, так и принципы деятельности органов государственной власти по обеспечению защиты прав личности, которые закреплены в главе 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина». Конституции РФ гарантирует каждому: право на жизнь (ст. 20); право на достоинство (ст. 21, ч. 1); право на безопасность (ст. 21, ч. 2); право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22); право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23); право на неприкосновенность жилища (ст. 25); право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства (ст. 27) [1].

Права человека определяют минимум условий для сохранения человеческого достоинства и жизни, являются универсальной категорией, которые представляют собой вытекающие из самой природы человека возможности пользоваться элементарными, наиболее важными благами и условиями безопасного, свободного существования личности в обществе. Гарантированность государственной защиты прав и свобод человека и гражданина непосредственно связана с обязанностью государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Таким образом, можно сказать, что безопасность личности получает свое воплощение путем конституционно-правового закрепления прав и свобод человека и гражданина.

Механизм защиты прав человека при всей его внутренней сложности и объемности можно считать относительно устоявшимся в науке. Важнейшими составляющими этого механизма традиционно признаются: нормативные документы; организации и органы, обеспечивающие реализацию тех или иных прав; практика применения нормативных документов; контроль и процедуры рассмотрения споров [3, с. 210].

Рассматривая виктимологический аспект защиты прав человека, следует отметить, что вопросам защиты прав такой категории, как жертва преступления, уделено немало внимания как со стороны международных правовых документов, так и со стороны отечественного законодательства. При этом о механизме защиты прав жертв преступлений можно говорить на универсальном уровне, прежде всего в системе ООН, на региональном (например, применительно к международным организациям Европы) и на национальном (государственном) уровне. Очевидно, что в ситуации защиты прав человека от нарушений, составляющих согласно уголовному законодательству (международному или национальному) преступления, данный механизм выполняет важнейшую криминологическую функцию профилактики преступлений: устанавливая запреты, контролируя их соблюдение и применяя санкции в случае нарушения.

Так, например, в Уголовном кодексе РФ первостепенной задачей является уголовно-правовая охрана прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 2 УК РФ). В Особенной части уголовного законодательства России закреплены нормы, которые непосредственно указывают на защиту тех или иных прав человека, гарантированных Конституцией РФ. Законодательное закрепление уголовно-правовых средств предупреждения преступности в УК РФ обеспечивает правовую защиту личности, в частности, от криминальной угрозы и как следствие реализует виктимологические средства защиты жертв преступлений.

Реализуя конституционные положения (судебная защита прав и свобод; обеспечение доступа к правосудию), уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации РФ закрепляет: во-первых, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; во-вторых, возможность признания потерпевшим юридическое лицо; в-третьих, отнесение потерпевшего к стороне обвинения; в-четвертых, в законе предусмотрен достаточно широкий перечень прав, которыми наделяется потерпевший. Кро-

ме этого, в Уголовном процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) содержится ряд положений, касающихся обеспечения безопасности потерпевших. Эти положения способствуют осуществлению государством своей конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина, а также эффективному осуществлению уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, что потерпевший располагает довольно широкими процессуальными возможностями по защите своих прав. В статьях 42, 246, 314, 318, 328 и других УПК РФ указывается совокупность общих и более конкретных процессуальных прав и обязанностей потерпевшего. Например, в ч. 2 ст. 42 УПК РФ говорится о праве потерпевшего участвовать в судебном разбирательстве первой инстанции. В ст. 314 УПК РФ конкретизируется роль потерпевшего, который может возражать против проведения судебного разбирательства в особом порядке. В соответствии со ст. 318 УПК РФ потерпевший вправе путем подачи заявления возбуждать уголовные дела, отнесенные ч. 2 ст. 20 УПК РФ к категории частного обвинения, и выполнять при этом функции частного обвинителя.

Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119–ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», вступивший в действие с 1 января 2005 года, заложил основы системы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Федеральным законом установлены принципы осуществления и виды государственной защиты, включающие меры безопасности и социальной поддержки, определены органы, обеспечивающие государственную защиту и порядок применения мер.

В сфере защиты прав человека задействованы не только правоохранительные органы и суды, но и многие другие государственные и общественные институты: службы аппарата управления, система уполномоченных по правам человека, адвокатура, неправительственные правозащитные организации и др. М. А. Мусаев в своем исследовании отмечает, что критерий эффективности деятельности государственных и общественных институтов требует «…критической оценки и не только со стороны заинтересованных ведомств, но и усилиями независимых экспертов, каковыми чаще всего выступают люди науки» [2. С.7].

Проводимые исследования учеными и практиками в этой области позволили выявить, что в сферу воздействия права, в частности, уголовно-процессуального закона попадает далеко не каждая жертва преступления, а лишь такая, которая официально признается участником уголовного процесса, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Общепризнано, что понятие жертвы – более широкое и включает в себя не только реальных потерпевших, но и потенциальных, а также латентных жертв преступлений; лиц, которым вред причинен непосредственно или опосредованно; лиц, которым вред причинен преступлением или иными противоправными действиями; отдельных лиц или их множественность, общество, государство, весь мировой правопорядок.

Проводимые в последнее время виктимологические исследования во многом нацелены на решение задач по обеспечению безопасности личности и защиты жертв преступлений. Обеспечение должного уровня безопасности личности в полной мере относится к объектам виктимологического исследования, так как в результате виктимизации снижается уровень защищенности личности, в первую очередь от угроз криминального характера.

Сегодня традиционная проблематика виктимологии продолжает оставаться основным объектом внимания центральных органов государственной власти в вопросах виктимологической профилактики при решении задач по выработке виктимологической политики, своевременному обеспечению нормативно-правовой базы ее проведения, в вопросах защиты прав потерпевшего в суде и возмещение компенсаций жертвам преступлений.

Подводя итог рассматриваемому вопросу, необходимо отметить, что предпосылками построения виктимологического механизма защиты прав человека должны стать:

1) формирование правового, организационного и материально обеспеченного механизма реализации закрепленных в законе и подзаконных актах положений, в силу которых защита прав челове-

ка является одной из ведущих функций всех правоохранительных органов;

2) обеспечение деятельности государственных институтов, правоохранительных органов, общественных и других организаций, направленную на поддержание состояния защищенности жизненно важных и иных существенных интересов личности, общества и государства от угроз криминального характера;

3) формирование новых и совершенствование действующих структур, обеспечивающих безопасность общества и индивида, с учетом тесного международного сотрудничества;

4) повышение статуса и гарантий прав не только потерпевшего от преступления, но и жертв, процессуально не признанных потерпевшими.

К сожалению, практика показывает, что проблемы общественной защиты жертв преступлений, имеющие несомненную социальную важность, не получают должного внимания со стороны государства. Отсутствие отлаженного механизма взаимодействия государственных органов и общественных правозащитных организаций приводит к снижению общей эффективности государственных и общественных мероприятий, направленных на улучшение правовых положений жертв преступлений. Изучение и использование опыта зарубежных стран позволит совершенствовать правовые и социальные средства реабилитации жертв преступлений в современной правовой системе России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Мусаев М. А. Защита жертв преступлений : автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 2011. – 63 с.
3. Рахманова Е. Н. Защита прав человека от преступности в условиях глобализации : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Е. Н. Рахманова. – СПб., 2010. – 379 с.

МАЙОРОВ Андрей Владимирович, канд. юридических наук, доцент, заведующий кафедрой; ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (НИУ) (г. Челябинск).
E-mail: AB_Majorov@mail.ru

УДК 343.985.5+343.988

Десятова О. В.

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВО: ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Автором рассматривается проблема уголовно-правовой оценки действий лиц, причиняющих вред при задержании, совершивших общественно опасные деяния и не являющихся субъектами преступления в силу недостижения возраста уголовной ответственности и невменяемости. Вносится предложение в ст. 38 УК РФ о том, чтобы слова «лицо, совершившее преступление» заменить на «лицо, совершившее общественно опасное посягательство», тем самым распространив случаи задержания не только на лиц, являющихся субъектами преступления, но и на невменяемых, либо лиц, не достигших возраста уголовной ответственности.

Ключевые слова: *задержание, субъект преступления, невменяемый, лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, причинение вреда.*

Desyatova O. V.

LEGAL ASSESSMENT OF INJURY AT DETENTION OF THE PERSON WHO COMMITTED SOCIALLY DANGEROUS ENCROACHMENT: VICTIMOLOGICAL MEASUREMENT

The author considers a problem of a criminal and legal assessment of the actions of the persons which are doing harm during detention, made socially dangerous acts and not being subjects of a crime owing to not achievement of age of criminal liability and diminished responsibility. The offer in Art. 38 of the criminal code of Russian Federation is made about that to replace the words «the person who committed a crime» with «the person who made socially dangerous encroachment» thereby having extended cases of detention not only to the persons who are subjects of a crime but also on deranged, or the persons which didn't reach age of criminal liability.

Keywords: *detention, the subject of a crime, deranged, the person which didn't reach the age of criminal liability, injury.*

Несомненно, что проблема преступности являлась и является актуальной для любого общества. В полной мере это относится и к нашей стране, особенно применительно к последнему этапу её развития, когда всё чаще дают о себе знать акты терроризма, нередко связанные с военными действиями в различных регионах. Всё это приводит к постоянному росту количества совершаемых преступлений, а также качественному росту совершения данных преступлений, преобладанию в структуре преступности тяжких и особо тяжких преступлений, увеличению негативных последствий, причиняемых преступными действиями.

В общей системе государственных мер, направленных на борьбу с преступностью, институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, имеет хотя и локальное, но, тем не менее, важное значение в защите интересов граждан, в укреплении правопорядка и общественной безопасности.

Хотелось бы, чтобы данный институт активно реализовывался лицами, защищающими свои или государственные права и интересы без опаски быть привлечёнными к уголовной ответственности [1, с. 95]. А такая опасность существует, так как ст. 38 УК РФ указывает на ряд условий, при несоблюдении которых может наступить уголовная ответственность.

Например, признавая научную и практическую значимость появления ст. 38 в УК РФ 1996 года, хотелось бы обратить внимание на бросающееся в глаза несовершенство сконструированной нормы (даже в наших современных реалиях), так как в соответствии с уголовным законом причинение вреда при задержании допускается только в отношении *преступника*, которым может признаваться лицо вменяемое, либо лицо, достигшее требуемого законом возраста уголовной ответственности.

Тем не менее социальная практика показывает, что таких общественно опасных посягательств, совершённых несубъектами преступления, с каждым годом становится всё больше. Заметим, что в последние десятилетия повсеместно, в том числе и в России, наблюдается резкое повышение числа малолетних и несовершеннолетних, совершающих (преимущественно группами) общественно опасные деяния, за которые в силу своего возраста они не подлежат уголовной ответственности.

Особую тревогу вызывают преступления, совершаемые несовершеннолетними, связанные с посягательством на жизнь, здоровье, неприкосновенность граждан, собственность, а также преступные деяния, посягающие на общественный порядок, о чём свидетельствует уголовная статистика по России [2. С. 76].

Криминологические и социологические исследования последних лет, а также данные официальной уголовной статистики убедительно свидетельствуют не только о постоянном росте преступности несовершеннолетних в нашей стране, но и о имеющей место устойчивой тенденции её омоложения, когда преступное деяние совершают подростки в возрасте до 14 лет, не являющиеся субъектами преступления. Количество лиц указанной категории, совершивших преступления, по которым уголовные дела были прекращены или в их возбуждении было отказано в связи с недостижением возраста привлечения к уголовной ответственности, возрастает с каждым годом. Результаты социологического исследования указывают, что наибольшее количество впервые совершённых правонарушений приходится в основном, на подростков в возрасте 10–12 лет [3. С. 64].

Это приводит к тому, что снова и снова появляются предложения отечественных учёных снизить возраст наступления уголовной ответственности до двенадцати – тринадцати лет за совершение в основном тяжких и особо тяжких преступлений [4. С. 46, 183].

Между тем задержание невменяемого после совершения им посягательства не менее актуально, чем задержание лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, поскольку некоторые психически больные склонны к совершению серийных насильственных посягательств, причиняющих огромный урон правоохраняемым интересам.

Также актуальным является совершение преступления двумя или несколь-

кими лицами, из которых лишь один обладает признаками субъекта преступления.

Еще в постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам об изнасиловании» от 25 марта 1964 г. (п. 10), в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» от 22 марта 1966 г. (с изм. и доп. от 23 декабря 1970 г., 27 июля 1983 г., 24 мая 1990 г., 21 декабря 1993 г.) (п. 19), в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об изнасиловании» от 22 апреля 1992 г. (п. 9) неизменно подчёркивается, что совершение упомянутых преступлений двумя или несколькими лицами, из которых лишь одно обладает признаками субъекта преступления, а остальные в силу возраста, невменяемости или по иным основаниям не полежат уголовной ответственности, надлежит квалифицировать как совершённые группой лиц. Правда, некоторое отступление от прежней позиции можно усмотреть в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 14 февраля 2000 г. В пункте этого постановления разъясняется: «Необходимо иметь в виду, что совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (статья 20 УК РФ) или невменяемости (статья 21 УК РФ), не создаёт соучастия».

Несмотря на то что данные лица не несут уголовной ответственности, но ими было совершено общественно опасное посягательство, и их дальнейшие действия представляют угрозу интересам государства и общества, их задержание необходимо для установления личности, определения возраста, установления всех признаков состава преступления в деянии, которое они совершили. Признав доказанным совершение лицом в состоянии невменяемости преступления, суд выносит определение и в соответствии со ст. 21 УК РФ освобождает это лицо от уголовной ответственности или наказания и при необходимости решает вопрос о применении к нему принудительных мер медицинского характера, то есть направляет лицо на принудительное лечение. При этом суд прекращает уголовное дело за отсутствием в деянии невменяемого лица состава, так как оно не является субъектом преступления и, таким образом, не подлежит уголовной ответственности и наказанию.

Приняв во внимание все обязательные признаки субъекта преступления, хотелось бы отметить, что в ряде случаев на задерживающего возлагается непосильная, на наш взгляд, обязанность в считанные мгновения дать уголовно-правовую оценку содеянного, определив наличие (или отсутствие) многочисленных признаков того или иного состава преступления. Общеизвестно, что эта задача иногда трудно разрешима даже для квалифицированных юристов в относительно комфортных условиях предварительного расследования и судебного разбирательства. А определить состояние невменяемости лица, которое в данный момент совершает общественно опасное посягательство, вообще очень сложно. В момент задержания задерживающий в основном думает только о том, чтобы не дать лицу, совершившему общественно опасное посягательство, возможности уйти от ответственности, и преследует цель доставления данного лица органам власти. Тем более очень трудно определить состояние невменяемости по внешним признакам, представленным в данный момент задерживающему. Сделать это сложно и практическому работнику органов внутренних дел, не говоря уже о простых гражданах.

То же самое можно сказать о сложности определения возраста лица, совершающего общественно опасное посягательство. Очень часто возникают случаи, когда задерживающий не осознавал и не мог осознавать, что причиняет вред несубъекту преступления, то есть лицу, не достигшему возраста уголовной ответственности в момент совершения общественно опасного посягательства. Нередко подростки выглядят значительно старше своего возраста, и объективная оценка их возраста по внешним данным со стороны других людей будет равна совершеннолетию и даже старше.

Проблема причинения вреда при задержании невменяемого либо лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, очень мало разрабатывалась в отечественной литературе. Только некоторые учёные касались этого вопроса. Так, например, В. И. Ткаченко считает,

что уголовно-правовое задержание не может осуществляться в отношении лиц, хотя и совершивших общественно опасное деяние, но являющихся невменяемыми, невиновными или не достигших возраста уголовной ответственности. Задержание таких лиц всегда общественно опасно и может при наличии вины, то есть при наличии условий, когда задерживающий сознавал или мог сознавать, что потерпевший имеет указанные признаки, влечь уголовную ответственность [5. С. 112]. Ю. В. Баулин по этому поводу замечает, что нельзя распространять правила уголовно-правового задержания преступника на случаи задержания малолетнего или невменяемого. По его мнению, действия граждан по задержанию таких лиц должны оцениваться в соответствии с иными обстоятельствами, исключающими общественную опасность и противоправность деяния [6. С. 54]. Такого же мнения придерживается В. Е. Пономарь, который соглашается с тем, что насильственное задержание душевнобольного, совершившего побег из специального лечебного учреждения, или лица, хотя и не достигшего возраста уголовной ответственности, но совершившего общественно опасное деяние, в определённых ситуациях является общественно необходимым актом. Правомерность указанных действий, по мнению Пономаря, должна оцениваться в соответствии с иными обстоятельствами, исключающими ответственность (исходя из института крайней необходимости, обоснованного риска и т. п.). Применение к данным ситуациям правил уголовно-правового задержания видится им излишним [7. С. 133–134]. К такому же выводу приходит и А. Б. Иванов, считающий, что если задерживающий причиняет вред заведомо невменяемому либо лицу, не достигшему возраста уголовной ответственности, его действия должны оцениваться по правилам крайней необходимости [8. С. 97].

На наш взгляд, наиболее правильной будет точка зрения, в которой В.П. Диденко говорит о том, что *уголовно-правовое задержание* (курсив автора) следует применять и в отношении невменяемых лиц, совершивших общественно опасные действия, ставящих под угрозу жизнь и здоровье окружающих [9. С. 82]. А также мнение В. П. Барчукова, отмечающего, что в качестве юридического факта, приводящего в действие нормы о задержании, может выступать любое деяние, предусмотренное уголовным законом, независимо от того, обладает ли лицо, задерживаемое за его совершение, всеми признаками субъекта преступления [10. С. 10]. То есть насильственные действия могут причиняться не только в отношении преступника, но и иных лиц, совершивших общественно опасные действия, которые не могут нести уголовную ответственность.

Следует вспомнить позицию Тишкевича по данному вопросу. Он пишет, что «меры по задержанию преступника не могут применяться в отношении малолетних… Задержание несовершеннолетних преступников практически применяется лишь в порядке исключения… Сказанное выше… не означает, что малолетний или несовершеннолетний… вообще не подлежат задержанию… задержание должно производиться без причинения задерживаемому вреда» [11. С. 50–52].

Также хотелось бы рассмотреть еще один фактор, снижающий активность граждан по реализации своего права на причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное посягательство. Таким является отсутствие указания в законе на круг субъектов задержания, то есть тех лиц, которые имеют на это законное право.

Лиц, производящих задержание, принято именовать субъектами задержания, поскольку, участвуя в задержании или производя его самостоятельно, они наделены определенными правами и обязанностями. Права заключаются в том, что они могут, используя определенные средства, не только задержать, но и, при наличии оснований и соблюдении определенных условий, причинить вред задерживаемому. Обязанности же состоят в том, что лицо должно осуществлять задержание только с целью доставления в органы власти при соблюдении требования о непричинении чрезмерного вреда задерживаемому, однако реально доставление может и не последовать в силу определенных обстоятельств.

В настоящее время в уголовном законодательстве отсутствует четкое указание на круг субъектов, имеющих право на задержание лица, совершившего преступление. Хотелось бы заметить, что в свое время ряд авторов считали, что

должностные лица, имеющие специальные полномочия, не могут быть субъектами задержания [12. С. 100–101]. По мнению Ю. В. Баулина, «субъектами правомерного задержания преступника, регламентируемого уголовным правом, являются любые граждане – потерпевший, очевидец и иное лицо, представители организованной общественности и те должностные лица, на которых не возложена специальная обязанность задерживать преступников» [13. С. 47–48], то есть он отвергал должностное лицо, имеющее специальные полномочия, в качестве субъекта задержания лица, совершившего преступление. При этом, по словам Ю. В. Баулина, «незаконное причинение должностными лицами при задержании преступнику более тяжкого вреда, чем незаконное лишение свободы (например, тяжких телесных повреждений или смерти), должно влечь их ответственность не за должностное, а за общеуголовное преступление».

Данное определение субъекта задержания не получило достаточной поддержки в уголовно-правовой литературе. Согласно мнению большинства ученых, субъектами уголовно-правового задержания являются как граждане, так и специально уполномоченные должностные лица [14]. Граждане могут реализовывать право на задержание самостоятельно, независимо от того, была или нет у них возможность обратиться за помощью к органам власти.

Для некоторых категорий должностных лиц, в частности сотрудников МВД, ФСБ и других, задержание лица, совершившего общественно опасное посягательство, является правовой обязанностью, предусмотренной федеральными законами и иными нормативными актами.

Субъекты задержания имеют неодинаковые возможности для задержания. Одни – граждане, в том числе потерпевшие, имеют в своем распоряжении только физическую силу или подручные предметы; другие – специально уполномоченные должностные лица, имеют специальные средства, огнестрельное оружие, они обучены специальным физическим приемам. Естественно, что применение тех или иных средств задержания влечет за собой причинение вреда, необходимость и вынужденность которого зависит от того, какими средствами задержания наделен субъект задержания. Нельзя согласиться с мнением Л. Н. Смирновой, считающей, что «оценка правомерности или чрезмерности причиненного вреда должна зависеть от того, является ли задерживающий гражданином или должностным лицом, имеющим специальные полномочия для уголовно-правового задержания», и обосновывающей это тем, что последние «в соответствии со своим правовым статусом имеют в распоряжении такие средства, которых не имеют граждане, и могут задержать, не будучи вынужденными причинить при этом тяжкий вред» [15. С. 16]. Такая позиция усиливает ответственность должностных лиц по сравнению с обычными гражданами. Следует подчеркнуть, что соответствующие должностные лица не вправе отказаться от действий по задержанию лица, совершившего преступление, однако право выбора средств задержания остается за ними. При этом правомочия специально уполномоченных должностных лиц регламентированы законом. Специальные правовые акты устанавливают особые условия применения силовых средств задержания правонарушителей. Для правильного применения данных средств сотрудники правоохранительных органов проходят специальную подготовку, приобретают необходимые умения и навыки. В совокупности система правовых предписаний и специальная подготовка обеспечивают, с одной стороны, правомерность задержания лица, совершившего преступление, исключение возможности производства неоправданного насилия, а с другой – правовую защищенность сотрудников правоохранительных органов, уменьшение риска принятия решений о способах и размерах причинения вреда задерживаемому.

Мы придерживаемся другой позиции и считаем, что нет оснований усугублять и без того нелегкое положение сотрудников правоохранительных органов в ситуации задержания лица, совершившего общественно опасное посягательство. Для граждан совершение указанных действий является субъективным правом и одновременно выполнением моральной обязанности. У обычного гражданина всегда есть право выбора, осуществлять или нет подобные действия по задержанию лица, совершившего обще-

ственно опасное посягательство. Следовательно, и отказ от использования такого права не считается правонарушением, поэтому решение воспользоваться или нет этим правом – личное дело самого гражданина. В этом принципиальное отличие от действий или бездействия субъекта, для которого задержание лица, совершившего общественно опасное посягательство, является правовой обязанностью. Если специально уполномоченное должностное лицо не выполняет свою обязанность, то данное бездействие рассматривается как правонарушение, влекущее дисциплинарную либо уголовную ответственность. Если же вышеуказанные лица при задержании лица, совершившего общественно опасное посягательство, причинили вред, явно выходящий за пределы допустимого, при наличии всех остальных признаков, то, по нашему мнению, данные действия должны квалифицироваться наравне с действиями обычных граждан, то есть по соответствующим статьям Особенной части УК РФ (ч. 2 ст. 108 и ч. 2 ст. 114 УК РФ). Подобным образом необходимо решать вопрос о квалификации действий специально уполномоченного должностного лица по причинению вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное посягательство, вне исполнения им должностных функций (например, находящегося в отпуске, имеющего иные обязанности и т. п.). Следует согласиться с мнением некоторых авторов, считающих, что ответственность в подобных ситуациях должна наступать в соответствии со ст. 38 УК РФ на общих основаниях [16. С. 125–126].

Таким образом, из вышесказанного следует сделать выводы о том, что субъектами задержания лица, совершившего преступление, могут быть любые граждане, а также должностные лица, имеющие специальные полномочия.

Если общественно опасное посягательство совершается невменяемым, либо лицом, не достигшим к моменту совершения преступления возраста уголовной ответственности, и данные общественно опасные действия ставят под угрозу жизнь и здоровье окружающих, то на них распространяются меры уголовно-правового задержания.

В связи с этим институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, целесообразно именовать «причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное посягательство», распространив его на все случаи задержания не только в отношении преступника, то есть субъекта преступления, а также и в отношении невменяемых и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хозикова Е. С. Правовое государство и гарантии обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 3 (21). – С. 94–99.

2. Заремба Е. С. Понятие и анализ статистических показателей уличной преступности (криминологическая характеристика на примере юга Тюменской области) // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2010. – № 3 (13) – С. 71–79.

3. Мартынова С. И. Система ювенальной юстиции в России // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2011. – № 1 (15) – С. 63–70.

4. Побегайло Э. Ф. Право человека на жизнь и его уголовно-правовая охрана в России // Всеобщая декларация прав человека и правозащитная функция прокуратуры. – СПб., 1998. – 46 с.; Павлов В. Г. Уголовно-правовые и криминологические аспекты предупреждения преступлений среди несовершеннолетних // Ювенальная юстиция и профилактика правонарушений. – СПб., 1999. – 183 с.

5. Ткаченко В. И. Законность задержания преступника – одна из гарантий прав граждан // Гарантии прав личности в социалистическом уголовном праве и процессе. – Ярославль, 1981. – С. 108–116.

6. Баулин, Ю. В. Право граждан на задержание преступника. – Харьков, 1986. – 157 с.

7. Пономарь В. Е. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния : дис. … канд. юрид. наук. – М., 1999. – 164 с.

8. Иванов А. Б. Институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление : дис. … канд. юрид. наук. – М., 1999. – 175 с.

9. Диденко В. П. Соотношение криминогенных и административно-правовых аспектов личного задержания. – В кн.: Проблемы административного права и совершенствования административной деятельности органов внутренних дел. – Киев, 1981. – С. 79–83.

10. Барчуков В. П. Уголовно-правовой институт задержания преступника и практика его применения органами внутренних дел : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М.: Академия МВД СССР, 1991. – 24 с.

11. Тишкевич И. С. Право граждан на задержание преступника. – Минск, 1974. – 112 с.

12. Морозов А. С. Некоторые проблемы квалификации объективной стороны правомерного поведения // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2011. – № 1(15). – С. 96–101.

13. Баулин Ю. В. Право граждан на задержание преступника. – Харьков, 1986. – 157 с.

14. Бушуев Г. В. Социальная и уголовно-правовая оценка причинения вреда преступнику при задержании : учеб. пособие. – Горький: Горьковская высш. шк. МВД СССР, 1976. – 87 с.; Курс уголовного права. Общая часть: учеб. для вузов. Т. 1. Учение о преступлении. – М., 2002. – 474 с.; Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. – СПб., 2003. – 217 с.; Якубович М. И. Необходимая оборона и задержание преступника. – М., 1978. – 80 с.; и др.

15. Смирнова Л. Н. Теория и практика задержания лица, совершившего преступление, с причинением ему вреда : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Томск, 2003. – 22 с.

16. Блашкова Л. Л. Вопросы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 3 (21) – С. 125–129.

ДЕСЯТОВА Ольга Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры организации охраны общественного порядка Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, г. Тюмень
E-mail: igor_desyatov@mail.ru

УДК 342.922

Назарова А. В., Тебеньков Р. П.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОТЕРПЕВШЕГО В АДМИНИСТРАТИВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Статья посвящена рассмотрению такой категории участников производства по делам об административных правонарушениях, как потерпевший. Авторами подробно анализируется понятие и статус потерпевшего в административном законодательстве России. Проводимый анализ позволяет авторам рассмотреть существующие точки зрения ученых по данному вопросу и сделать выводы о необходимости совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: *правовой статус, потерпевший, административное законодательство, административный процесс.*

Nazarova A. V., Tebenkov R. P.

LEGAL STATUS OF THE VICTIM IN THE ADMINISTRATIVE LEGISLATION OF RUSSIA

The article is devoted to consideration of such category of participants of proceeding on cases on administrative offenses, as the victim. Authors analyze concept and the status of the victim of the administrative legislation of Russia in detail. The carried-out analysis allows authors to consider the existing points of view of scientists on the matter and to draw conclusions on need of improvement of the current legislation.

Keywords: *legal status, victim, administrative legislation, administrative process.*

Понятие «потерпевший» в административном законодательстве впервые появилось в Основах законодательства СССР и союзных республик об административных правонарушениях (утв. Постановлением ВС СССР от 23.10.1980 № 3146-X). Но содержательная часть этого термина в этом нормативном акте не была раскрыта [4. С. 14]. Часть 1 ст. 248 КоАП РСФСР 1984 года дала определение потерпевшего как лица, которому административным правонарушением причинен моральный, физический или имущественный вред.

Существующее в нынешнем административном законодательстве определение потерпевшего не понесло сколь серьёзных изменений, за исключением того, что сейчас потерпевшим может выступать и быть признано и юридическое лицо.

Потерпевшим, в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) является физическое лицо или юридическое лицо, которым административным правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред. Часто он имеет смешанную форму. Смысловое понимание этого определения совпадает с определением толкового словаря русского языка: «потерпевший – человек, которому в результате преступления причинен моральный, физический или имущественный урон». При этом лицо считается потерпевшим независимо от условий: задержан ли и привле-

чён ли к ответственности правонарушитель, а также несмотря на родственные отношения между потерпевшим лицом и лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении [3. С. 15].

На сегодняшний день, по мнению Е. С. Герман, в вопросах определения потерпевшего наиболее остро стоят следующие вопросы: в какой временной интервал, нормативно закрепленный, лицо становится потерпевшим; каким образом и кто признает его таковым; когда потерпевший может реализовать свои процессуальные права и на какой стадии производства по делу об административном правонарушении? Помимо этого, в законе нет чёткого понятия и не определено: факт признания лица потерпевшим – это право или обязанность субъекта административной юрисдикции (суда)? [2. С. 81]

Так, ученые-административисты объясняют, что лицо становится потерпевшим в момент причинения ему физического, материального или иного ущерба, т. е. в момент совершения административного правонарушения – следующим обстоятельством: административно-процессуальные правоотношения являются производным от предписаний административного права и выполняют строго служебную функцию, то есть появление фигуры «потерпевший» связано не с каким-либо действием процессуального характера, а с реальным причинением вреда лицу во время совершения административного правонарушения [см.: 1, 2, 4].

Таким образом, содержание понятия «потерпевший» четко указывает на материально-правовые основания для его участия в производстве по делу об административном правонарушении. Юридическим аспектом административно-процессуальных отношений потерпевшего является фактическое причинение ему имущественного, морального или физического вреда.

Следует считать обоснованной позицию исследователей, полагающих, что наделение лица статусом потерпевшего должно быть оформлено на начальной стадии возбуждения дела об административном правонарушении уже при возможном наличии данных, указывающих на то, что этим правонарушением причинен моральный, физический или имущественный ущерб.

Наличие информации, на основе которой можно полагать, что правонарушением нанесен тот или иной вред, является достаточным условием для наделения лица статусом потерпевшего, несмотря на то, что в момент признания лица потерпевшим факт причинения ущерба может быть еще и не установлен, так как доказывание этого начинается только со стадии возбуждения дела.

При этом обстоятельствами, которые подлежат доказыванию в производстве по делу об административном правонарушении, являются характер и размер вреда, причиненного правонарушением. Соответственно, кандидатура потерпевшего на следующей стадии производства по делу об административном правонарушении, либо утвердится окончательно, либо исчезнет в связи с отсутствием фактического ущерба.

Говоря об общем понятии и содержании правового статуса, а также об административно-процессуальном статусе потерпевшего в частности, нужно разобраться и понять природу исследуемого феномена. Правовой статус – категория сложносоставная, так как содержит ряд (систему) элементов, входящих в структуру понятия. Очевидно утверждение, что обязательными элементами правового статуса являются права и обязанности субъектов [3. С. 17].

Почвой для реализации административно-процессуального статуса любым участником производства по делу об административном правонарушении является правосубъектность.

В трудностях определения административно-процессуального статуса потерпевшего наиболее значимыми на сегодняшний день являются такие вопросы: как, в какой временной отрезок, закреплённый в законодательной норме, лицо становится потерпевшим; в каком порядке и кто признает его таковым; на какой стадии по делам об административных правонарушениях указанный субъект может реализовать принадлежащие ему процессуальные права и, следовательно, право на возмещение причиненного ущерба? [2. С. 83]

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ высшей ценностью являются человек, его права и свободы. Следовательно, для должностных лиц, ведущих производство по делам об административных правонарушениях, на первом месте должна стоять

задача по защите прав и свобод человека, а именно защита прав и интересов потерпевшего от административного правонарушения.

Однако в административном законодательстве до сих пор не определено и то обстоятельство, является ли факт признания лица потерпевшим правом или это обязанность субъекта административной юрисдикции. Полагаем, что на сегодня эти обстоятельства требуют более пристального изучения процессуального статуса потерпевшего от административного правонарушения как в теории, так и в практике.

На практике судов общей юрисдикции подтверждается, что признание лица потерпевшим возможно на стадии подготовки дела к рассмотрению и на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении. Именно тогда, когда орган административной юрисдикции, уже ознакомившись с делом об административном правонарушении, может установить лицо, пострадавшее от административного правонарушения, и признать его потерпевшим.

В случае же отсутствия сведений о лице как о потерпевшем в протоколе об административном правонарушении, но если в ходе судебного рассмотрения выявится, что административным правонарушением такому лицу причинен моральный вред, физический или имущественный, признание лица потерпевшим является вполне сложившейся практикой. Однако отсутствие нормативной установки такой практики и вызывает различные толкования.

Предполагая, что потерпевший должен получить возможность пользоваться своими правами с момента причинения ему вреда, одним из первых процессуальных документов в производстве по делу об административном правонарушении должен быть документ с разъяснением потерпевшему его прав и обязанностей. И таким документом может быть постановление о признании лица «потерпевшим» [3. С. 8]. В этом случае у правоприменительного органа фактически появляется возможность немедленно разъяснить лицу, претерпевшему вред, его права и обязанности.

В завершение отметим, что рассмотрение проблем, связанных с административно процессуальным статусом потерпевшего, должно быть направлено на укрепление и защиту его административно-процессуальных прав и на формирование устойчивого механизма процессуальной ответственности. Реальное существование и эффективное функционирование обеих тенденций, на наш взгляд, позволит в полной мере реализовать административно-процессуальный статус потерпевших и обеспечить всестороннее, полное, объективное рассмотрение дел об административных правонарушениях в соответствии с законом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бахрах Д. Н., Герман Е. С. Вопросы административно-процессуального статуса потерпевшего в производстве по делам об административных правонарушениях // Современное право. – 2010. – № 5. – С. 114–119.

2. Герман Е. С. Производство по делам об административных правонарушениях как особая процессуальная форма реализации административно-процессуального статуса физических лиц // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2010. – Т. 6. – Вып. 2. – С. 80–86.

3. Герман Е. С. Административно-процессуальный статус физического лица – участника производства по делам об административных правонарушениях, имеющего личный интерес в деле : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Челябинск, 2011. – 22 с.

4. Новиков В. П. Физические и юридические лица как потерпевшие по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2004. – 24 с.

НАЗАРОВА Алёна Викторовна, проректор по учебной работе Уральского финансово-юридического института (г. Екатеринбург)
E-mail: urfji@mail.ru

ТЕБЕНЬКОВ Роман Петрович, магистрант факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (НИУ) (г. Челябинск)
E-mail: tro1507499@yandex.ru

УДК 343.01+343.122

Захарчук С. Д.

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ПОТЕРПЕВШИХ

Понятие правового статуса является одним из центральных элементов в различных теоретических исследованиях. Для определения понятия уголовно-правового статуса сотрудника органов внутренних дел как потерпевшего необходимо в первую очередь определить участников уголовного правоотношения и сформулировать понятие общего уголовно-правового статуса. Выделяют классификацию правовых статусов. Существование отраслевых и внутриотраслевых статусов можно обосновать тем, что в обществе люди выполняют, различные социальные роли и в связи с этим возникает необходимость правового закрепления за указанными людьми дополнительных качеств, которые бы в своем содержании дополняли и развивали общий правовой статус. Таким же образом можно объяснить существование статусов различных уровней. В работе анализируются различные точки зрения понятия уголовного правоотношения, определяются участники уголовных правоотношений и устанавливается содержание уголовно-правового статуса потерпевшего.

Ключевые слова: *уголовно-правовое отношение, уголовно-правовой статус, потерпевший, сотрудник органов внутренних дел, профессиональная виктимность.*

Zakharchuk S. D.

THE CONCEPT AND STRUCTURE OF CRIMINAL LEGAL STATUS OF EMPLOYEES OF LAW ENFORCEMENT BODIES AS VICTIMS

The concept of legal status is one of the central elements in a variety of theoretical studies. For the definition of criminal legal status of employees of the Interior as a victim must first determine participants in the criminal legal and formulate the concept of a common criminal and legal status. Allocate classification legal status.

The existence of intra-industry and status can be justified by the fact that people in the community to carry out various social roles and in this connection it is necessary to designate for legal persons other qualities that would complement its content and develop a common legal status. In the same way can be explained by the existence of different levels of status. The paper analyzes the different points of view of the concept of criminal legal relations determined by the participants of criminal legal content and set criminal legal status of the victim.

Keywords: *criminal legal relation, criminal legal status, the victim, employee of law enforcement body, professional victimization.*

В теории и практическом воплощении каждая исторически данная система права в той или иной степени включала в себя юридическую концепцию личности как субъекта права и соответствующие представления о ее правах и обязанностях, их гарантиях: от примитивных и ограниченных до высокоразвитых [1. С. 13]. В связи с этим определение понятия правового статуса является одним из центральных элементов в различных теоретических исследованиях. О сложности содержания указанного явления может говорить наличие многообразных точек зрения, охватывающих понятие «правовое положение личности». В то же время как отмечает А. В. Сумачев и Д. А. Писаренко, в науке уголовного права традиционно продолжают доминировать представления об исключительно публичном характере уголовного права, в связи с чем личность потерпевшего практически исключается из сферы уголовно-правового регулирования [2. С. 87].

И прежде чем рассмотреть такую категорию, как уголовно-правовой статус сотрудника органов внутренних дел как потерпевшего, необходимо проанализировать то, в каких случаях лицо наделяется определенным статусом и что такое статус вообще.

При анализе юридической литературы, рассматривающей уголовно-правовой статус потерпевшего, авторами не рассматривается характер его возникновения и не уделяется внимание особенностям правоотношений, в связи с которыми появляется его фигура. Мы же хотим рассмотреть уголовно-правовой статус сотрудника органов внутренних дел как потерпевшего через уголовно-правовые отношения.

Относительно понятия «правоотношения» в юридической литературе устоялось мнение, согласно которому под ним понимается общественное отношение (фактическое), урегулированное нормами права [3. С. 82]. Следовательно, под уголовным правоотношением понимается общественное отношение, урегулированное нормами уголовного права.

Как справедливо отмечает А. В. Альференко, в литературе остаются дискуссионными вопросы, связанные непосредственно с уголовно-правовым регулированием: время и основание возникновения уголовно-правовых отношений, их субъектный состав, содержание и т. д. [4. С. 86].

Для уяснения вопроса, кого же считать участниками уголовного правоотношения, следует определить объект уголовного правоотношения, то есть то, по поводу чего они складываются.

Большое внимание изучению этого вопроса уделил А. В. Сумачев. Так, в своей работе он отмечает, что объектом уголовного правоотношения является вредопричиняющее деяние, во всех своих проявлениях обуславливает предметно-практическую и познавательную деятельность сторон в рамках уголовно-правового отношения: наличие виновности или отсутствие вины при совершении; необходимость либо допустимость совершения; размер и оценку причиненного вреда и степень тяжести иных последствий; правовую и общественную значимость деяния, и как итог, – определение вида реакции государства и форм возмещения вреда, устранения последствий [5. С. 74].

Следует согласиться с указанной позицией в связи с тем, что при ее анализе можно выявить всех участников уголовного правоотношения. Так, вредопричиняющее деяние, которое совершается виновно или без вины, говорит о наличии такого субъекта уголовного правоотношения, которого условно можно назвать «преступник».

Следующим субъектом уголовно-правовых отношений является государ-

ство в лице компетентных органов. Поскольку именно государство определяет правовую и общественную значимость деяния, а также определяет конкретные виды воздействия на «преступника».

Самостоятельной стороной уголовного правоотношения следует признавать и потерпевшего. Поскольку он, являясь субъектом общественных отношений, обладающий правами, обязанностями и благами, которые в свою очередь охраняются уголовным законом, в случае совершения в отношении него общественно опасного деяния претерпевает некие лишения и его статус как субъекта права претерпевает изменения, тем самым приобретает статус потерпевшего. В свою очередь права и интересы потерпевшего подлежат восстановлению посредством уголовного закона.

В поддержку признания потерпевшего субъектом уголовно-правовых отношений можно привести точку зрения Т. В. Кленовой, которая отмечает, что в связи с конституционной направленностью государственной политики на усиление гарантий прав личности особую актуальность приобрела проблема признания лица, пострадавшего от преступления, субъектом уголовно-правового отношения [6, С. 15].

А. В. Сумачев также отмечает, что следуя логике учения о правоотношении, можно констатировать, что законодатель, закрепив в Уголовном кодексе РФ норму, предусматривающую факт примирения преступника с потерпевшим (ст. 76 УК), тем самым объективно признает пострадавшего субъектом охранительного уголовного-правоотношения [7. С. 18].

Поскольку мы определили, что потерпевший является субъектом уголовных правоотношений, то значит, он является носителем прав и обязанностей, т. е. он обладает определенным правовым статусом (в данном случае уголовно-правовым). Причем уголовно-правовой статус потерпевшего не совпадает с пассивной ролью жертвы.

Как отмечает Д. Б. Булгаков, некоторые институты в УК РФ «заставляют поиному переосмыслить само место потерпевшего в материальном уголовном правоотношении. Наделение его субъективным правом давать согласие на освобождение от уголовной ответственности (в материально-правовом смысле) означает не что иное, как признание за ним статуса активного субъекта уголовного правоотношения» [8. С. 57].

Таким образом, после совершения преступления или общественно опасного деяния потерпевший становится участником уголовно-правовых отношений, тем самым приобретает определенный статус. Причем статус потерпевшего в уголовном законе не определен, но его можно выделить, основываясь на Конституции РФ и принципах уголовного закона. Потерпевшему предоставлена возможность реализовать свои права и интересы, тем самым он является активным участником уголовно-правовых отношений.

Ряд авторов под правовым статусом понимают юридически закрепленное положение субъекта в обществе, т. е. комплекс прав, обязанностей, гарантий и ответственности, установленных правовыми нормами [9. С. 274].

Схожей позиции придерживается Н. И. Матузов, который под правовым статусом понимает правовое положение личности в обществе [10. С. 48].

Кроме того следует отметить, что не может быть более важных и менее важных прав и свобод человека и гражданина. Все они по-своему необходимы, являются жизненно важными [11. С. 48].

Следует отметить, что в теории права выделяют классификацию правовых статусов.

Общим и присущим всем гражданам, закрепляющим юридические качества, является правовой статус, сформулированный в нормах конституционного права. Указанной позиции придерживается и Н. И. Матузов, он отмечает, что по степени общности выделяются конституционный и отраслевой статусы, а внутри отраслей допускается возможность существования внутриотраслевых статусов [10. С. 65].

Существование отраслевых и внутриотраслевых статусов можно обосновать тем, что в обществе люди выполняют различные социальные роли, и в связи с этим возникает необходимость правового закрепления за указанными людьми дополнительных качеств, которые бы в своем содержании дополняли и развивали общий правовой статус. Таким же образом можно объяснить существование статусов различных уровней.

Следовательно, конституционно-правовой статус можно определить как общий, закрепляющий в своем содержании основные юридические свойства и качества, которые характерны для остальных статусов. В свою очередь отраслевые статусы (в том числе и уголовно-правовой) можно определить как статусы, конкретизирующие общий правовой статус с учетом конкретных видов правоотношений. Отраслевой статус в своем содержании определяет поведение всех участников соответствующего правоотношения. Но, на наш взгляд, каждому участнику правоотношения присущ свой статус, индивидуализирующий его среди остальных участников конкретного правоотношения. В свою очередь личность, обладающая уголовно-правовым статусом, является субъектом уголовно-правовых отношений.

С. В. Анощенкова к таким лицам, имеющим правовой статус, относит: лиц, совершивших преступления; лиц, совершивших иные уголовно значимые деяния (малозначительное деяние, акты необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление крайней необходимости и пр.); потерпевших от преступления; должностных лиц, представляющих государство. Кроме того, следует согласиться с ее мнением по поводу того, что уголовно-правовой статус потерпевшего – внутриотраслевой статус, составная часть уголовно-правового статуса. Уголовно-правовой статус потерпевшего от преступления – это статус субъекта права; он основывается на общеправовом (конституционном) статусе [12. С. 129].

Таким образом, видно, что общий правовой статус, закрепленный нормами конституционного права, дополняется нормами отраслевого статуса (уголовно-правового), который в свою очередь конкретизируется внутриотраслевым статусом, присущим участникам уголовно-правовых отношений. Указанный статус (конкретизирующий участников отраслевого статуса), присущий сотрудникам органов внутренних дел как потерпевшим, целесообразно называть специальным статусом.

В поддержку указанного вывода приведем позицию Р. П. Мананковой, которая отмечает, что наряду с понятием «общий правовой статус» в правовой научный оборот начинает все шире внедряться термин «специальный правовой статус». Им обозначают обычно особое правовое состояние личности, обусловленное в самом общем плане выполняемой ею социальной ролью [13. С. 18].

Изучение уголовно-правового статуса потерпевшего вызывает затруднение, поскольку в УК РФ отсутствует понятие потерпевшего и не упоминается о его правах и обязанностях.

Г. О. Петрова под уголовно-правовым статусом понимает такое правовое положение, при котором лицо способно от рождения обладать правом на защиту от преступлений и имеет возможность реализовать это право в любой момент, а также способно нести ответственность за совершенное преступление при наличии вменяемости, возраста, по достижении которого лицо обязано отвечать за совершенное преступление, и других обстоятельств, указанных в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном и иных законах и подзаконных актах [14. С. 135].

Несомненным плюсом указанного определения является то, что в первой его части акцент делается именно на потерпевших от преступления и определяет их право на защиту от преступления.

С. В. Анощенкова предлагает следующее определение уголовно-правового статуса; так, под ним она понимает совокупность нормативно закрепленных прав и обязанностей личности, выступающей субъектом уголовных правоотношений, а также полномочия государственных органов и должностных лиц, представляющих сторону государства в данных правоотношениях [12. С. 127].

В указанном определении автор под словом «личность» понимает не только субъекта преступления, но и потерпевшего от преступления и наделяет указанных участников уголовного правоотношения правами и обязанностями.

Кроме того при анализе указанных определений видно, что лицо, обладающее уголовно-правовым статусом, обладает рядом элементов, входящих в указанный статус.

В связи с этим следует привести точку зрения Л. В. Смирнова, который отмечает, что до сих пор в научной среде не достигнуто согласие по вопросу возможности включения тех или иных элементов в состав правового статуса [15. С. 129].

Как справедливо отмечает Р. П. Мананкова, при всем многообразии мнений по вопросу о содержании правового статуса отчетливо выступает один общий момент – права и обязанности единодушно называются в качестве обязательного элемента [13. С. 17].

В свою очередь законодатель при конструировании некоторых законов, закрепляющих правовой статус отдельных категорий лиц, в первую очередь закрепляет понятие субъекта права, а затем в качестве элементов выделяет права, гарантии, обязанности и ответственность указанных субъектов.

Большинство из указанных элементов не вызывает никаких возражений, но однако элемент гарантии реализации прав и обязанностей потерпевшего видится спорным.

По этому поводу Л. В. Смирнов отмечает, что нельзя согласиться с мнением ряда авторов, включающих в состав правового статуса гарантии. Все гарантии нельзя относить к элементам статуса, так как они могут быть экономическими, материальными, политическими, идеологическими, юридическими. Многие из них существуют не в юридической форме и поэтому выступают не как правовые гарантии [15. С. 20].

По нашему мнению, в структуре уголовно-правового статуса должны присутствовать следующие элементы:

- уголовно-правовые нормы, определяющие статус потерпевшего;
- правосубъектность потерпевшего;
- права потерпевшего;
- обязанности потерпевшего.

Такой элемент уголовно-правового статуса потерпевшего, как правовая норма, является основополагающим, поскольку определяет круг прав и обязанностей носителя указанного статуса. Только нормативное закрепление прав и обязанностей субъектов права может порождать соответствующее правоотношение. В поддержку указанной позиции следует привести точку зрения Н. И. Матузова, который отмечает, что юридические нормы как бы обрамляют и закрепляют фактический социальный статус, превращая его тем самым в правовой [10. С. 49].

Основы уголовно-правового статуса потерпевшего составляют нормы, содержащиеся в международном праве, Конституции РФ, УК РФ, а также в отраслевом законодательстве.

Так, на международном уровне правовой статус потерпевшего устанавливается такими нормами, как: Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (вступил в силу 23 марта 1976 года); Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью от 29 ноября 1985 года.

Применительно к Конституции РФ следует отметить, что в ее нормах находит закрепление не только общеправовой статус субъекта, но и статус потерпевшего (ст. 52 Конституции).

Особенности такого элемента уголовно-правового статуса, как правосубъектность, частично были нами рассмотрены выше. И. Ф. Дедюхина отмечает, что в уголовном законодательстве правосубъектность выражается в праве на личную безопасность и обязанности воздерживаться от посягательств на общественные отношения, находящиеся под охраной уголовного закона [16. С. 50]. Суть ее заключается в том, что потерпевший может выступать субъектом уголовно-правовых отношений и реализовывать принадлежащие ему права и обязанности по отношению к иным участникам правоотношения.

Что же касается такого структурного элемента, как права потерпевшего, то их можно рассматривать в объективной и субъективной форме.

Так, под объективным правом понимаются формально определенные, юридически гарантированные возможности пользоваться социальными благами, официальная мера возможного поведения человека в государственно-организованном обществе [17. С. 419].

Субъективное же право – это предоставляемая и охраняемая государством возможность (свобода) субъекта по своему усмотрению удовлетворить те интересы, которые предусмотрены объективным правом [18. С. 315].

Применительно к уголовному праву субъективные права потерпевшего вытекают из объективных прав, предусмотренных законом и определяющих варианты поведения.

Применительно к уголовно-правовому статусу потерпевшего уголовный за-

кон предусматривает такое право потерпевшего в рамках уголовного правоотношения, как примирение с виновным, что обусловлено ст. 76 УК РФ.

Относительно следующего элемента (обязанности потерпевшего) можно отметить, что юридическая обязанность – это предусмотренная законодательством и охраняемая государством необходимость должного поведения участника правового отношения в интересах управомоченного субъекта (индивида, организации, государства в целом) [18. С. 317].

Так, в обязанность потерпевшего как субъекта уголовного правоотношения входит мера должного поведения, а именно обязанность давать правдивые показания (ст. 307 УК РФ), а также обязанность давать показания (ст. 308 УК РФ).

Поскольку определили содержание основных элементов уголовно-правового статуса потерпевшего, необходимо сформулировать его понятие.

Уголовно-правовой статус потерпевшего – это урегулированное нормами международного права, Конституцией РФ, УК РФ, а также нормами отраслевого законодательства правовое положение потерпевшего как субъекта уголовно-правового отношения, которое состоит в предоставлении ему реализации объективных прав и обязанностей.

Уголовно-правовой статус потерпевшего является одним из видов внутриотраслевого статуса. Однако в уголовном праве возможны разновидности уголовно-правового статуса потерпевшего, так как потерпевший может обладать различными признаками и соответственно ему может быть присущ различный круг прав и обязанностей. Так, ранее мы обозначили, что уголовно-правовой статус сотрудников органов внутренних дел как потерпевших целесообразно именовать специальным статусом.

Лицо, имеющее специальный статус потерпевшего (сотрудники органов внутренних дел), не утрачивает правомочий, предоставленных конституционным статусом, а, по нашему мнению, наоборот, дополняется им, поскольку приобретает дополнительные права и обязанности, направленные на восстановление нарушенного блага.

Кроме того, специальный правовой статус (правовой модус) свое выражение находит в специальной правоспособности и особых правах и обязанностях граждан [13. С. 20].

К тому же мы придерживаемся следующей точки зрения, согласно которой потерпевшие в уголовном праве наделяются различными полномочиями, которые им предоставлены законодательными актами, тем самым они приобретают правовое положение, индивидуализирующее их среди иных участников уголовного правоотношения, в том числе и среди потерпевших.

Целесообразно выявить особенности уголовно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел. Для этого рассмотрим предложенные нами элементы уголовно-правового статуса применительно к сотрудникам органов внутренних дел.

К уголовно-правовым нормам, закрепляющим уголовно-правовой статус сотрудника органа внутренних дел, можно отнести указанные выше нормативно-правовые акты.

Кроме того, статус сотрудников конкретизируется нормативными актами, определяющими порядок и условия прохождения службы. Так, п. 1 ст. 1 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливает, что служба в органах внутренних дел – это федеральная государственная служба, представляющая собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в органах внутренних дел Российской Федерации, а также на должностях, не являющихся должностями в органах внутренних дел, в случаях и на условиях, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации.

Кроме того в ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» говорится о том, что сотрудник полиции, выполняя обязанности, возложенные на полицию, и реализуя права, предоставленные полиции, выступает в качестве представителя власти и находится под защитой государства.

Также по смыслу Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» правоохранение осуществляют в том числе и сотрудники органов внутренних дел.

Как справедливо отмечает Е. В. Киричек, в составе правоохранительных органов именно органы внутренних дел несут наибольшую нагрузку в борьбе с преступностью, охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности [19, С. 21].

Указанные нормативные правовые акты подчеркивают специальный правовой статус сотрудников органов внутренних дел и наделяют их специальной правоспособностью.

В связи с этим С. С. Алексеев отмечал, что специальной правосубъектностью обладают, например, органы государственного управления и должностные лица в пределах административных правоотношений [3. С. 144].

Следует отметить, что общая и специальная правоспособности взаимосвязаны: специальная правоспособность предполагает наличие общей и поэтому может рассматриваться как производная от последней правовая категория [13, С. 10].

Так, применительно к сотрудникам органов внутренних дел специальная правосубъектность выражается в способности их своими действиями реализовывать возложенные на них законом полномочия, т. е. право сотрудника сводится к полномочиям в сфере охранительных правоотношений.

В связи с этим следует отметить, что специфика деятельности сотрудников органов внутренних дел заключается в том, что, обладая широким кругом полномочий в области обеспечения прав и свобод граждан от преступных и иных посягательств, сотрудники этих органов нередко сами остаются незащищенными. Кроме того, служба в органах внутренних дел налагает ряд существенных ограничений на правовой статус сотрудников [19. С. 21].

Так, если «общий» потерпевший в рамках уголовно-правовых отношений имеет право на возмещение вреда, причиненного преступлением (ст. 52 Конституции РФ). В уголовном законодательстве это право отражено в нормах ст. 75 и 76 и п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ; право влиять на решение вопроса об освобождении виновного от уголовной ответственности [20. С. 84], то, по нашему мнению, сотрудники органов внутренних дел, выступая в качестве потерпевшего, в уголовно-правовых отношениях ограничены в таком праве, как право влиять на решение вопроса об освобождении виновного от уголовной ответственности (в рамках ст. 76 УК РФ).

Как справедливо отмечает С. Н. Шатилович, особенность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (и уголовно-процессуального основания прекращения уголовного дела – ст. 25 УПК РФ) состоит в том, что законодатель передает на усмотрение потерпевшего не оценку степени общественной опасности совершенного преступления, а вопрос о путях разрешения возникшего конфликта [21. С. 57].

Выше было отмечено, что сотрудники органов внутренних дел, выполняя обязанности и реализуя права, выступают в качестве представителя власти.

В случае, если лицо совершает посягательство на сотрудника органов внутренних дел, оно посягает в первую очередь на установленный порядок управления, а потерпевший при этом выступает лишь как дополнительное объективное проявление этого посягательства.

Примирение с потерпевшим не устранит вред, нанесенный этому основному объекту преступного посягательства, следовательно, у сотрудника не может быть указанного выше права.

Таким образом, несмотря на то, что статус сотрудника органа внутренних дел является более широким по сравнению со статусом «обычного» гражданина, уголовно-правовой статус сотрудника органа внутренних дел как потерпевшего является более ограниченным, чем у «обычного» потерпевшего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Киричек Е. В. Становление и развитие прав и свобод человека и гражданина: философско-правовое измерение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 2. С. 13.
2. Сумачев А. В., Писаренко Д. А. К вопросу о понятии юридического лица, потерпевшего от преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 1. С. 87.
3. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т.II. М.: Юрид. лит., 1982. С. 82.
4. Альференко А. В. Взаимосвязь предмета, метода, нормы и правоотношения в уголовном праве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3. С. 86.
5. Сумачев А. В. Потерпевший в уголовном праве (анализ основных проблем). Нижневартовск, 2005. С. 74.
6. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. С. 15.
7. Сумачев А.В. Пострадавший как субъект уголовного правоотношения: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. С. 18.
8. Булгаков Д. Б. Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика: дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 57.
9. Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права : учеб.-метод. пособие. Кратк. учеб. для вузов. М., 1999. С. 274.
10. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.
11. Киричек Е. В. Социально-экономические и культурные права и свободы – важнейший элемент конституционно-правового положения (статуса) человека и гражданина в Российской Федерации. 2012. № 1. С. 48.
12. Анощенкова С. В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем. М.: Волтер Клувер, 2006.
13. Мананкова Р. П. Специальный правовой статус как критерий классификации субъектов правоотношений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 1. С. 18.
14. Петрова Г. О. Норма и правоотношение – средства уголовно-правового регулирования. 1999. С. 135.
15. Смирнов Л. В. Административно-правовой статус сотрудника милиции: дис. … канд. юрид. наук. М., 1996. С. 17.
16. Дедюхина И. Ф. Проблемы установления и реализации уголовной ответственности с учетом признаков потерпевшего : дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 50.
17. Общая теория государства и права. Академический курс: В 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. М., 2001. Т. 1. С. 419.
18. Хропанюк В. Н. Теория государства и права : учебник. М., 2003. С. 315.
19. Киричек Е. В. Социальная и правовая защищенность сотрудников органов внутренних дел в современной России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 4. С. 21.
20. Сидоренко Э. Л. О статусе потерпевшего в уголовном праве // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 84.
21. Шатилович С. Н. Вопросы освобождения от уголовной ответственности при примирении соучастников преступления с потерпевшим // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 1. С. 57.

ЗАХАРЧУК Сергей Дмитриевич, преподаватель кафедры правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, г. Тюмень, ул. Амурская, 75
E-mail: sergey-zahar@mail.ru

УДК 343.85+343.988

Гарманов В. М.

ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВИКТИМНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

В статье рассматриваются вопросы предупреждения виктимности сотрудников полиции в целях поиска практических направлений применения результатов виктимологических исследований в данной области. Рассматриваются направления, связанные с изучением причин и условий, способствующих совершению посягательств на сотрудников полиции, вопросы совершенствования профессиональной подготовки и предупреждения недопустимых действий в отношении сотрудников полиции со стороны граждан.

Ключевые слова: *предупреждение виктимности, групповая виктимность, профессиональная подготовка сотрудников полиции, сотрудники полиции.*

Garmanov V. M.

CERTAIN DIRECTIONS OF THE PREVENTION OF VICTIMIZATION OF POLICE OFFICERS

This article discusses the prevention of victimization of police officers in order to find practical applications of the results of victimological research in this area. The article deals with the direction associated with the study of the causes and conditions of committing assaults on police officers, and the improvement of professional training and prevention of unacceptable actions against the police officers by citizens.

Keywords: *prevention of a victimization, group victimization, vocational training of police officers, police officers.*

На современном этапе одним из актуальных вопросов является исследование проблемы виктимности сотрудников полиции в процессе исполнения ими служебных обязанностей, так как в ч. 1 ст. 30 Федерального закона Российской Федерации от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» говорится о том, что сотрудник полиции, выполняя обязанности, возложенные на полицию, и реализуя права, предоставленные полиции, выступает в качестве представителя власти и находится под защитой государства.

Виктимность можно связывать с предложенным в литературе признаком «уязвимости» (подверженности) как потенциальной опасности стать жертвой преступления [6. С. 51], причем способность стать жертвой преступления как специфическое свойство конкретного лица, связанное с его личными качествами, определяется в литературе как состояние «уязвимости, зависящее не только от субъективных, но и от объективных факторов» [12. С. 44]. Поскольку существует групповая виктимность сотрудников правоохранительных органов, что в

литературе связывается, например, с профессией, повышающей возможность нести ущерб от преступных посягательств [9. С. 35], виктимология должна стремиться к поиску направлений предупреждения такой возможности. Для этого следует обращать внимание на роль виктимогенных ситуаций, которые возникают в деятельности сотрудников полиции, связанных с: 1) провокационными действиями сотрудников полиции; 2) их возможными незаконными действиями; 3) тактически неправильными действиями сотрудников полиции; 4) психологически безграмотным поведением сотрудников полиции в конкретной ситуации. В качестве предмета виктимологии в литературе предложено считать как ситуации, которые предшествуют преступлению, а также ситуации непосредственного преступления (виктимологическую обстановку), так и систему мероприятий профилактического характера [12. С. 8–9]. Следовательно, признак «уязвимости» позволяет указать на практическое значение виктимологических исследований – выявление именно тех параметров виктимности, на которые можно эффективно воздействовать [6. С. 51].

Мы предлагаем особое внимание обращать на такие направления предупреждения виктимности сотрудников полиции в процессе выполнения ими служебных обязанностей, как: 1) изучение причин, и условий, способствующих совершению посягательств на сотрудников полиции при исполнении ими служебных обязанностей; 2) совершенствование профессиональной подготовки личного состава; 3) предупреждение недопустимых действий со стороны граждан.

В исследовании виктимности сотрудников полиции в процессе выполнения ими служебных обязанностей значительное место нужно отводить изучению их причин и условий, способствующих совершению в отношении них посягательств. Это направление связано с изучением виктимологической ситуации, которая, как отмечают Д. В. Ривман и В. С. Устинов, показывает криминогенную роль жертвы в механизме преступления [12. С. 58 и далее]. Важное значение для изучения причин и условий, способствующих совершению в отношении сотрудников полиции посягательств, имеет анализ материалов служебных проверок, а также подготовка специальных аналитических обзоров и исследований типичных ситуаций оказания сопротивления сотрудникам полиции, нападений на них. Опыт работы в этом направлении немецких коллег в Криминологическом исследовательском центре Управления криминальной полиции земли Нижняя Саксония (ФРГ) показывает возможности изучения: 1) динамики применения насилия в отношении полицейских; 2) того, кто выступает в качестве виновного и потерпевшего от данных посягательств; 3) причин насильственных нападений на полицейских; 4) правовых последствий для нападающих; 5) возможности предотвращения или уменьшения случаев насильственных нападений на полицейских и возможностях минимизации ущерба от таких действий [10. С. 128]. Определенное значение для создания комплексного представления об изучаемом явлении имеет анализ официальных статистических данных. Однако ряд авторов верно подчеркивает необходимость изучения при криминологическом исследовании материалов конкретных уголовных дел и использования иного инструментария для подтверждения выводов [3. С. 46].

Таким образом, необходимо изучение материалов следственной и судебной практики по делам данной категории, а также интервьюирование потерпевших, которые могут очень подробно описать ситуацию, особенности ее личного восприятия, понимания причин и условий ее возникновения и даже отметить свои ошибки, допущенные в общении с лицом, осуществившим посягательство на сотрудника полиции.

Мы считаем, что существенное значение для предупреждения виктимности сотрудников полиции имеют правильная организация профессиональной служебной подготовки и формирование знаний, умений и навыков обеспечения защищенности от преступных посягательств сотрудников полиции в ходе исполнения ими служебных обязанностей. Такая подготовка может способствовать формированию кадрового состава ОВД, что часто понимается как одно из важнейших условий обеспечения законности и правопорядка [11. С. 96]. Необходимо создание таких практических заданий, где следует моделировать различные ситуации, при

которых возможно совершение преступлений в отношении сотрудников полиции, и отрабатывать правильные действия сотрудников полиции в таких ситуациях. В практической деятельности рассмотрению таких ситуаций должно уделяться должное внимание, и даже в территориальных подразделениях ОВД возможна разработка удобных и адаптированных специальных разработок по действиям в типовых полицейских ситуациях (например, при общении с гражданином, при задержании, при доставлении задержанного в территориальные ОВД и др.).

Задачи, которые могут быть решены при использовании такого приема рассмотрения практических заданий, в том числе в рамках профессиональной служебной подготовки личного состава: 1) рассмотрение типичных ситуаций оперативно-служебной деятельности; 2) выработка навыков анализа практически значимой информации; 3) выделение круга имеющихся проблем правоприменительной практики и путей их решения. Необходимо также ряд положений законодательства рассматривать как комплекс положений, в том числе нацеленный на предупреждение виктимности сотрудника полиции (например, ч. 3 ст. 11, ст. 18–24 Федерального закона Российской Федерации от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции») [1].

Значительный потенциал изучения практических ситуаций очевиден и при подготовке обучаемых в рамках профессионального обучения, когда ими приобретаются основные профессиональные знания и навыки, необходимые для выполнения служебных обязанностей, в том числе в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Эта работа может обеспечить предупреждение возможных нарушений законности сотрудниками полиции, например, исключать необоснованное применение мер принуждения, что может рассматриваться гражданином как провоцирующее поведение и повлечь насилие в отношении сотрудника полиции. В процессе рассмотрения таких задач возможна иллюстрация неправильного варианта поведения сотрудника полиции и последствий данного поведения, а также противоположного варианта поведения, основанного на положениях закона.

Дополнительно следует проводить изучение психологических механизмов принятия решения сотрудником полиции в конкретной ситуации, так как влияние конкретной жизненной ситуации на поведение «обусловливает содержание и форму избранного варианта поведения, раскрывает степень (уровень) готовности человека действовать определенным образом – соответственно влияет на формирование установки» [7. С. 96–97]. Эта работа может позволить целенаправленно воздействовать на выбор оптимального варианта поведения сотрудником полиции, в том числе при изучении специальных ситуационных заданий в рамках практических занятий или тренингов при обучении личного состава.

Анализ существующих проблем показывает, что некоторые сотрудники полиции неправильно ориентируются в складывающейся ситуации, существует определенная боязнь применения специальных средств или огнестрельного оружия даже при наличии оснований и условий их применения, указанных в Федеральном законе РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Часто у сотрудников полиции отсутствует уверенность в правильности собственных действий и в правильной оценке конкретной ситуации, особенности которой показывают возможности совершения защитных действий. Приведем отдельный показательный пример. Так, сотрудники полиции Т. и Г., увидев подозрительных молодых людей, среди которых был Ш., приняли решение установить их личность, вышли из автомобиля, подошли к ним, представились, предъявили служебные удостоверения и потребовали предъявить документы, удостоверяющие личность. Ш. попытался выхватить служебное удостоверение из рук Г., а когда это не удалось, отошел от сотрудников полиции, вытащил из своей сумки пистолет ограниченного поражения и направил его в сторону Т. и Г. При этом Ш. сказал, что будет стрелять, если сотрудники полиции подойдут к нему. Угрозу Т. и Г. восприняли реально и достали свое табельное оружие в целях предотвращения противоправных действий Ш. Однако он потребовал, чтобы Т. и Г. положили свое оружие на землю. Т. и Г. предупредили Ш. о том, что если он не положит свой пистолет на землю, они будут в него стрелять. Ш. произвел вы-

стрел в сторону сотрудников полиции. В ответ на повторное предупреждение о возможности применения в отношении него оружия, Ш. произвел второй выстрел из пистолета в правую ногу сотрудника полиции Т., затем произвел третий выстрел в левую ногу сотрудника полиции Т. После совершения преступления Ш. с места преступления скрылся [17]. Одним из условий для совершения в отношении сотрудников полиции насильственных действий Ш. могла быть неуверенность сотрудников полиции и проявленная ими нерешительность. Мы считаем, что анализ данной информации, а также иных многочисленных примеров на уровне учебных ситуаций может обеспечить совершенствование профессиональной подготовки сотрудников полиции и сформулировать практические рекомендации в области виктимологической профилактики преступлений этого вида.

В ряде публикаций высказывается мнение о редком использовании правоохранительной практикой мер профилактического характера, направленных на снижение возможностей граждан стать жертвами преступных посягательств [14. С. 45]. Данное направление работы, безусловно, находит свое отражение в деятельности сотрудников ОВД, однако оно должно иметь более планомерный и наступательный характер, от этого зависит и повышение доверия, и укрепление авторитета МВД России и сотрудников полиции. В то же время следует сказать, что в деятельности МВД России при обеспечении безопасности сотрудников полиции данное направление виктимологического противодействия находит свое широкое применение как на уровне нормативных документов, разъяснений и указаний МВД России, так и методической литературы для сотрудников ОВД. Это направление работы непосредственно связано с задачами в области организации деятельности сотрудников ОВД и обеспечения их безопасности как представителей власти, выполняющих служебные обязанности.

На значение таких факторов, как тактически неправильные действия и психологически безграмотное поведение полицейских, обращают внимание зарубежные исследователи [10. С. 133]. Действительно, анализ ряда материалов судебной практики показывает, что ненадлежащее выполнение должностных обязанностей, нарушение требований ведомственных нормативных актов или выработанных практикой рекомендаций и организационных решений по обеспечению безопасного выполнения служебных обязанностей, провоцирующее поведение, надменность и грубость в общении усиливают способность сотрудников полиции становиться жертвой преступлений, предусмотренных ст. 317, 318 УК РФ.

Одно из направлений предупреждения преступлений в отношении сотрудников полиции при исполнении ими служебных обязанностей состоит в предупреждении недопустимых действий со стороны граждан. Провоцирующее поведение, действия, связанные с отказом выполнить определенные требования сотрудников полиции, могут перерасти в невыполнение законных требований сотрудника полиции (ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ), публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей (ст. 319 УК РФ), применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ). Сегодня данное поведение со стороны граждан является широко распространенным, а имеющиеся технические возможности, наличие сети Интернет, а также возможность размещения определенной негативной информации в СМИ позволяют очень быстро распространять данную информацию, зачастую некоторые действия носят прецедентный характер.

Огромный интерес сегодня представляет область исследования законодательных и иных нормативных положений, которые способствуют минимизации риска виктимности сотрудников полиции. Так, применение в деятельности сотрудников полиции положений ч. 3 ст. 11 Федерального закона РФ от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [1] может обеспечить предупреждение провокационных действий со стороны гражданина в отношении сотрудника полиции [4. С. 76–77]. По нашему мнению, на территориальном уровне и на уровне МВД России необходимо организовать широкую пропаганду и информационно-разъяснительную работу среди населения относительно недопустимости агрессивного и провоцирующего поведения граж-

дан в отношении представителей власти, а также разъяснять правовые последствия таких действий граждан.

Эта работа должна проводиться с использованием следующих возможностей: 1) размещения информации на официальных сайтах МВД России и УМВД по субъектам Российской Федерации; 2) создания специальных тематических программ или информационных сюжетов; 3) социальной рекламы, нацеленной на представление положительного образа сотрудника ОВД, поясняющей недопустимость совершения провокационных действий в отношении сотрудников полиции и разъясняющей меры ответственности за подобные действия; 4) проведения мониторинга СМИ и сети Интернет и последующего разъяснения официальной позиции органов внутренних дел, опровержения недостоверной информации в судах (данная работа должна быть организована в том числе с учетом приказа МВД России от 2 октября 2012 года № 900 «Вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в системе МВД России» [2]); 5) проведения учебных и информационных занятий и встреч в учебных коллективах среди обучающихся в различных образовательных организациях, среди работников различных организаций, предприятий и учреждений.

Информационно-пропагандистская работа должна быть нацелена на разъяснение обязанности граждан выполнять законные требования сотрудников ОВД, гражданину должна указываться возможность в соответствии с положениями закона обжалования должностных лиц, если гражданин считает, что действия либо бездействие сотрудника полиции привели к ущемлению его прав и свобод. В этой связи нельзя обойти вниманием проблему возможного неправильного представления граждан о возможности противодействия сотрудникам полиции при выполнении ими служебных обязанностей. В частности, опасность широкой трактовки допустимости оборонительных действий в отношении сотрудников полиции могла возникнуть при принятии п. 6 проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (официально опубликован не был) в предложенной изначально редакции: «Суды должны иметь в виду, что граждане имеют право на применение активных мер по защите безопасности личности от явно незаконного применения силы со стороны представителей власти (например, применения насилия сотрудниками полиции в ходе проведения допроса подозреваемого, обвиняемого или производства иных следственных действий), за исключением случаев, когда им было заведомо известно о правомерности действий представителей власти». Данное положение связывалось с тем, что обязательными к исполнению гражданами признаются только законные требования сотрудника полиции, следовательно, гражданин вправе не исполнять незаконные требования сотрудника полиции или сопротивляться их принудительному осуществлению, действуя в рамках необходимой обороны или крайней необходимости. В действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [15] данного указания нет. Мы считаем это верным, в том числе и по той причине, что при закреплении вышеприведенного положения могут возникнуть массовые случаи неверного толкования данного положения и рост числа посягательств на сотрудников ОВД при выполнении ими служебных обязанностей. Однако действительно, в исключительных случаях оборонительные действия гражданина в отношении представителя власти могут быть правомерными, что указывается в учебной и теоретической литературе [8. С. 10], когда признается возможность необходимой обороны от неправомерных действий должностных лиц. Об этом свидетельствует и судебная практика, в материалах которой отражены ситуации противодействия незаконной деятельности сотрудников правоохранительных органов [16].

Мы полагаем, что на минимизацию степени выраженности конфликтных ситуаций и возможности стать жертвой посягательства должны влиять соблюдение сотрудниками полиции профессионально-этических стандартов поведения и действия в строгом соответствии с положениями закона.

Согласимся с точкой зрения о том, что пропаганда виктимологических знаний всегда составляет одно из центральных звеньев системы социальной виктимологической профилактики [13, С. 71]. Практическое значение пропаганды виктимологических знаний для сотрудников полиции состоит в возможности понимания ими специфики ряда ситуаций, в которых может увеличиться уровень уязвимости сотрудников полиции как жертв преступлений. Это можно использовать для устранений или минимизации причин виктимности сотрудников полиции. По аналогии предлагаемой в литературе возможностью разработки специальных инструкций, направленных на предотвращение преступлений определенного вида [13. С. 73], важнейшим направлением работы в системе МВД России должна быть подготовка специальных инструкций для сотрудников полиции по обеспечению личной безопасности и предупреждению конфликтного общения с гражданами в типовых ситуациях оперативно-служебной деятельности.

При совершении насильственных действий в отношении сотрудников полиции существует возможность гражданско-правовой защиты их законных интересов. Однако, как отмечает Е. Г. Комиссарова, «…не столь редки случаи восприятия фактов нарушения профессиональных чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел через убеждение о том, что это необходимый атрибут их профессиональной деятельности, сопряженной с негативной социальной средой» [5. С. 34]. Следовательно, большое значение имеет разъяснительная работа относительно важности защиты профессиональной чести сотрудника полиции, а также психологическая и юридическая поддержка сотрудников полиции, которые стали потерпевшими от преступлений в связи с выполнением ими служебных обязанностей.

Подводя итог, нужно подчеркнуть, что проведение специальных виктимологических исследований в рассматриваемой области играет большое практическое значение, так как это может служить одним из инструментов для создания механизма обеспечения защиты сотрудника полиции как представителя власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О полиции : Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // КонсультантПлюс: [Электронный ресурс]: справочная правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru. Загл. с экрана.

2. Вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в системе МВД России : приказ МВД России от 2 октября 2012 года № 900 // Консультант Плюс: [Электронный ресурс]: справочная правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru. Загл. с экрана.

3. Анисимов А. Г. О репрезентативности выборки информационных центров МВД России // Юридическая наука и правоохранительная практика. Научно-практический журнал. 2009. № 3 (9). С.44–46.

4. Гарманов В. М., Иванова С. И. Правовая оценка использования видео- и звукозаписывающей аппаратуры при фиксировании действий сотрудников ДПС ГИБДД // Вестник ТИПК МВД России. 2014. № 1. С. 71–78.

5. Комиссарова Е. Г. Профессиональные честь и достоинство государственных служащих: предпосылки междисциплинарного подхода // Юридическая наука и правоохранительная практика. Научно-практический журнал. 2012. № 4 (22). С.29–35.

6. Майоров А. В. Концептуальные основы виктимологчиеского противодействия преступности : Монография. Челябинск, 2013. 182 с.

7. Осинцева А. В. Изучение мотивации сотрудников органов внутренних дел в типичных профессиональных ситуациях // Юридическая наука и правоохранительная практика. Научно-практический журнал. 2010. № 4 (14). С. 94–105.

8. Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие. М., 1987. 54 с.

9. Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления : учеб. пособие. Горький, 1979. 84 с.

10. Пфайффер Х. Насильственные действия в отношении полицейских // Юридическая наука и правоохранительная практика. Научно-практический журнал. 2013. № 3 (25). С. 128–134.
11. Раживина И. В. Проблемные вопросы формирования кадрового состава территориальных органов внутренних дел в современных условиях // Юридическая наука и правоохранительная практика. Научно-практический журнал. 2013. № 2 (24). С. 96–100.
12. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология : монография. Н. Новгород, 1998. 211 с.
13. Юзиханова Э. Г., Заремба Е. С. Виктимологическая профилактика уличной преступности (по материалам Тюменской области) // Юридическая наука и правоохранительная практика. Научно-практический журнал. 2011. № 2 (16). С. 66–74.
14. Юзиханова Э.Г., Нифонтов В.А. Виктимологическая обусловленность насильственной преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. Научно-практический журнал. 2013. № 4 (26). С. 43–48.
15. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 № 19 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.vsrf.ru. Загл. с экрана.
16. Определение Верховного Суда РФ от 08 апреля 1997 года «Ответственность за применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) наступает только в случаях противодействия его законной деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 4. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.vsrf.ru. Загл. с экрана.
17. Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 09 сентября 2013 г.по уголовному делу № 1-691/2013 в отношении Ш., осужденного по ч. 2 ст. 318 УК РФ // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru. Загл. с экрана.

ГАРМАНОВ Виктор Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовой подготовки сотрудников ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, г. Тюмень, ул. Амурская, 75
E-mail: garmanov.v.m1978@mail.ru

УДК 343.988+343.83

Репакова О. Н.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОТ КРИМИНАЛЬНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ ОСУЖДЕННЫХ

В статье рассмотрены причины криминальных посягательств осужденных на сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также вопросы, связанные с обеспечением виктимологической безопасности сотрудников. Внимание автора обращено к вопросам реформирования уголовно-исполнительной системы в связи с анализом причин криминальной активности осужденных и необходимостью обеспечения должного уровня безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы. В завершении исследования вопроса автором предлагаются пути решения обозначенных в статье проблем.

Ключевые слова: *сотрудник уголовно-исполнительной системы, криминальное посягательство, осужденный, виктимологическая безопасность, реформирование, Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ.*

Repakova O. N.

ENSURING VICTIMOLOGICAL SAFETY OF EMPLOYEES OF THE PENITENTIARY SYSTEM FROM THE CRIMINAL ENCROACHMENT OF CONDEMNED

In article the reasons of the criminal encroachments of condemned against the employees of the penitentiary system, issues connected with ensuring of victimological safety of employees are considered. The author's attention is paid to questions of reforming the penitentiary system in connection with the analysis of the reasons of criminal activity of condemned and need of ensuring due level of safety of employee of penitentiary system. As a result of research, the author offers solutions of the problems designated in article.

Keywords: *the employee of the penitentiary system, criminal encroachment, condemned, victimological safety, reformation, the Concept of development of the penitentiary system of the Russian Federation.*

Современное правовое государство не может эффективно развиваться без стабильно работающих властных институтов, которые обеспечивают важные составляющие общественной жизни: основы конституционного строя, государственную и общественную безопасность, порядок управления, а также правопорядок. Особая ответственность за укрепление правопорядка, усиление борьбы с

преступностью, предупреждение любых правонарушений и устранение причин, их порождающих, в процессе исполнения уголовных наказаний возлагается на сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Безусловно, для того, чтобы уголовно-исполнительная система в целом работала и обеспечивала правопорядок и законность в учреждениях, исполняющих наказание, безопасность осужденных и охрану их здоровья, необходимо, чтобы сам персонал исправительных учреждений не подвергался опасности, т. е. от их виктимологической безопасности напрямую зависит результативность работы всей уголовно-исправительной системы [10, дата обращения 07.11.2014 г.].

Чтобы лучше разобраться в данном вопросе, определим, что же такое «виктимность» и какова ее классификация.

Виктимность – свойство определенной личности, социальной роли или социальной ситуации, которое провоцирует и облегчает преступное поведение. Виктимность обозначает образ поведения некоторых лиц, их предрасположенность к тому, чтобы при определенных обстоятельствах стать жертвой преступления. В зависимости от уровня обобщения различают индивидуальную, групповую, виновную и невиновную виктимность. Индивидуальная виктимность – повышенная способность индивида стать в определенной жизненной ситуации жертвой преступления. Индивидуальная виктимность зависит от субъективных и объективных факторов. Соответственно различают личностную и ситуативную виктимность. Личностная виктимность – виктимность, обусловленная социально-психологическими, моральными, ролевыми и другими свойствами и качествами человека. Ситуативная виктимность – виктимность, связанная с ситуацией конкретного преступления. Она является следствием не определенного качества и поведения личности, а виктимогенной обстановки [6, дата обращения 09.11.2014 г.].

Согласно статистическим данным, предоставленным Федеральной службой исполнения наказаний, по состоянию на 1 октября 2014 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 671,4 тыс.человек. Штатная численность персонала уголовно-исполнительной системы составляет 307,5 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 218,1 тыс. человек (кроме того, переменный состав – 6,6 тыс. человек). [7, дата обращения 07.11.2014 г.]. Мы видим, что на каждого сотрудника приходится примерно двое осужденных, то есть численность персонала велика, тем не менее, из застрахованных сотрудников, по данным ФСИН, их количество превышает 265 тыс. человек, в 2013 г. погибли 223 застрахованных сотрудника учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, 1 284 гражданам была установлена инвалидность. Легкие травмы получили 2 388 человек, тяжелые увечья – 469. [13, дата обращения 07.11.2014 г.]. В связи с этими сведениями можно сделать вывод, что, несмотря на высокую численность сотрудников исправительных учреждений, их безопасность остается под угрозой.

Так, к примеру, в 2007 г. в Свердловской области в кировградской колонии для несовершеннолетних группа осужденных напала на вышку и попыталась прорваться сквозь ограждение на волю. Итогом беспорядков стало три погибших и полтора десятка пострадавших. Один из заключенных погиб на месте, у девяти – телесные повреждения, также телесные повреждения получили шесть сотрудников колонии, один из которых позже скончался в больнице [11, дата обращения 08.11.2014 г.].

В сентябре 2006 г. в СИЗО-9 в Капотне во время вывода на прогулку трое осужденных, вооружившись заранее подготовленными подручными средствами, напали на находящихся в административном здании 14 сотрудников изолятора и 1 осужденного, выполняющего работы по хозяйственному обслуживанию, и захватили их в заложники. Переговоры никаких результатов не дали. Силами сотрудников отделов спецназа была подготовлена и успешно проведена специальная операция по освобождению заложников. Все они были освобождены, при этом никто из захваченных людей не пострадал, потерь среди спецназовцев также не было [12, дата обращения 08.11.2014 г.].

Профессиональная виктимность сотрудников уголовно-исполнительной системы характеризуется количественными (объемом, уровнем, структурой и динамикой) и качественными (личностными характеристиками потенциальной и

реальной жертвы, уровнем ее способности к самозащите от криминальной угрозы, особенностями среды, уровнем латентности и социальными последствиями виктимности) показателями.

Наиболее подвержены насильственным посягательствам со стороны осужденных те представители персонала исправительных учреждений, которые непосредственно по своим служебным обязанностям контактируют с ними (сотрудники службы безопасности исправительных колоний, младший контролерский состав, начальники отрядов, оперативный состав, медицинский персонал, вольнонаемные сотрудники производственной базы). Наиболее яркой из таких причин является предписанное служебными обязанностями сотрудникам активное взаимодействие с осужденными (среди которых немало агрессивно настроенных в отношении них) в целях исполнения уголовного наказания, предотвращения совершения новых преступлений, а также ситуаций, способствующих агрессии осужденных. Обратимся к анализу конфликтной ситуации «правонарушитель (осужденный) – сотрудник исправительной колонии», так как преступник, жертва и криминальная ситуация так тесно связаны между собой, что образуют своеобразную систему, которая может существовать только при наличии всех компонентов [9, дата обращения 07.11.2014 г.].

Активность позиции сотрудника исправительной колонии при взаимодействии с преступником (осужденным), продиктованная его профессиональными обязанностями, положительная с точки зрения этики и права, в сочетании с профессиональными действиями может провоцировать посягательство. Но активность, подкрепленная профессионализмом, в большинстве случаев не дает перерасти виктимности из потенциальной в реальную. Резонно предположить, что наиболее уязвимыми для посягательств должны быть сотрудники исправительных колоний с небольшим стажем [10, дата обращения 08.11.2014 г.].

Также нужно отметить, что сложившийся в обществе низкий социальный статус работников уголовно-исполнительной системы провоцирует некоторых из них на эпизодическое или систематическое участие в нелегальном обороте в учреждениях уголовно-исполнительной системы запрещенных к использованию предметов, включая спиртные напитки, наркотические средства, средства мобильной связи и пр. Вступление в запрещенные связи с осужденными формирует систему криминальной зависимости соучастников и значительно повышает виктимность вовлеченных в такую деятельность лиц.

Кроме этого, существует еще одна причина преступности, связанной с сотрудниками исправительных учреждений, – это невнимание законодателя к вопросам надлежащего обеспечения правовой защиты сотрудников уголовно-исправительной системы. Проблема уголовно-правовой охраны жизни и здоровья сотрудников уголовно-исполнительной системы – часть более общей проблемы охраны отношений управления – актуальна не только в прикладном, но и в теоретическом плане. Повышенная общественная опасность посягательств различных видов на сотрудников уголовно-исполнительной системы не вызывает сомнений. В результате их совершения в значительной мере ослабляется эффективность деятельности государства в сфере борьбы с преступностью, подрывается система государственного управления. Однако нигде, за исключением ст. 321 Уголовного кодекса РФ, законодатель о защите сотрудников уголовно-исполнительной системы России в уголовном законе больше не упоминает [2].

Но некоторое развитие на законодательном уровне все же происходит. К примеру, в 2010 г. Правительство РФ утвердило Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее Концепция), в которой отмечается тот факт, что служба в уголовно-исполнительной системе не пользуется популярностью среди населения, поскольку работа тяжелая и сложная, а заработная плата сравнительно с другими профессиями низкая, поэтому на вакантные места берут тех, кто согласен, несмотря на несоответствие их требованиям к работникам исправительных учреждений [3]. В связи с этим Концепция указывает цели и задачи для совершенствования и развития уголовно-исполнительной системы на период до 2020 года.

Основными целями Концепции являются:

• повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития;

• сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам;

• гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов [3].

Для достижения поставленных целей указаны задачи, некоторые из которых связаны с обеспечением безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы:

• модернизация и оптимизация системы охраны исправительных учреждений и следственных изоляторов, укрепление материальной базы следственных изоляторов, исправительных учреждений, уголовно-исполнительных инспекций;

• обеспечение необходимого уровня социальной защиты работников уголовно-исполнительной системы.

Для безопасности работников исправительных учреждений предлагаются следующие мероприятия:

• повышение качества подготовки работников уголовно-исполнительной системы и улучшение условий несения службы;

• разработка комплекса мер по формированию у работников уголовно-исполнительной системы умений и навыков, позволяющих обеспечить эффективное противодействие противоправному поведению со стороны осужденных, а также мер ответственности за нарушение прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей;

• совершенствование мер предупреждения и пресечения возможных неслужебных связей личного состава уголовно-исполнительной системы с осужденными, преступных связей осужденных между собой и осужденных с лицами, находящимися за пределами исправительных учреждений;

• применение сотрудниками уголовно-исполнительной системы комплекса индивидуальных профилактических мер по предупреждению правонарушений, в том числе преступлений, совершаемых осужденными [3].

Для результативности этой Концепции необходимо еще сделать многое, будем надеяться, что все поставленные законодателем задачи будут исполнены и реформирование уголовно-исполнительной политики и системы в целом сможет увеличить уровень обеспечения безопасности сотрудников уголовно-исправительной системы от криминальных посягательств осужденных.

Одними из условий эффективной предупредительной деятельности являются своевременное распознавание, взятие на профилактический учет и целевая психопрофилактическая работа с лицами, имеющими виктимологически значимые личностные черты, которые провоцируют или же облегчают возникновение конфликтных ситуаций. Целью индивидуальной виктимологической профилактики является предупреждение преступлений путём недопущения реализации виктимных свойств и качеств личности сотрудника, ее позитивная коррекция, влекущая изменение поведения, а также обеспечение процесса девиктимизации[4. С. 69].

Индивидуальная виктимологическая профилактика в исправительных учреждениях представляет собой: а) процесс по выявлению сотрудников, которые, судя по их поведению или совокупности личностных характеристик, с наибольшей вероятностью могут оказаться жертвами преступников; б) организацию в отношении этих лиц мер воспитания, обучения и обеспечения личной безопасности. Комплекс таких мероприятий, с нашей точки зрения, возможен и необходим в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний России [5. С. 54].

Меры индивидуальной профилактики в отношении виктимных сотрудников уголовно-исполнительной системы весьма специфичны для каждого исправительного учреждения и определяются его особенностями. Очевидно, что для разработки конкретных мер профилактическо-

го воздействия необходимо учитывать вид учреждения, особенности условий службы в данном учреждении, состояние социальной, психологической и воспитательной работы и материально-бытового обеспечения, скрытые источники внутри- и межгруппового влияния, дисциплинарную практику, структуру и динамику нарушений законности и т. д. Целесообразно изучение обстоятельств, совершаемых в исправительном учреждении преступлений, виктимологической характеристики преступлений, факторов и ситуаций, обусловливающих индивидуальную виктимность [8, дата обращения 08.11.2014 г.].

Необходим внимательный отбор кандидатов на службу, учитывающий личностные виктимные характеристики, жесткий контроль за четким и правомерным исполнением действующими сотрудниками служебных обязанностей и инструкций. Поскольку основной причиной криминально уязвимого поведения сотрудников в опасных для жизни и здоровья ситуациях является, в частности, низкий уровень профессиональной подготовленности, необходимо разработать тематические планы и рабочие программы служебной подготовки сотрудников исправительных учреждений с целью снижения их криминальной виктимности [8, дата обращения 08.11.2014 г.].

И, естественно, нужна работа на законодательном уровне. Необходимы нормы, защищающие сотрудников уголовно-исполнительной системы. Потенциальный субъект, совершающий посягательство на работника исправительного учреждения, должен знать, какую ответственность он за это понесет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198. – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. – 1996 – № 25 – Ст. 2954.

3. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р «Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 43. – Ст. 5544. – Режим доступа: [КонсультантПлюс]. – Загл. с экрана.

4. Ившин, В. Г. Виктимология : учеб. пособие / В. Г. Ившин, С. Ф. Идрисова, Л. Г. Татьянина. – М. : Волтерс Клувер, 2011. – 264 с.

5. Бумаженко, Н. И. Виктимология : учебно-методическое пособие / Н. И. Бумаженко. – Витебск, 2010.– 115 с.

6. Лекции по криминологии. Часть 1. – Виктимологический аспект механизма конкретного преступления [Электронный ресурс] // http://www.mylect.ru/ugolovno/480-criminologia.html?start=19/. – Режим доступа: [Интернет]. – загл. с экрана. – дата обращения: 07.11.2014 г.

7. Краткая характеристика уголовно-исправительной системы [Электронный ресурс] // http: // fsin.su / structure / inspector / iao / statistika / Kratkaya%20har-ka%20UIS/. – Режим доступа: [Интернет]. – загл. с экрана. – дата обращения: 07.11.2014 г.

8. Кулакова, А. А. Виктимологический аспект пенитенциарной преступности и ее предупреждения (в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы) : дис. … канд. юрид. наук. – М., 2008. [Электронный ресурс] / А. А. Кулакова // http://www.dissercat.com/content/viktimologicheskii-aspekt-penitentsiarnoi-prestupnosti-i-ee-preduprezhdeniya-v-otnoshenii-s-0 – Режим доступа: [Интернет]. – загл. с экрана. – дата обращения: 07.11.2014 г.

9. Ситковский, А. Л. Виктимологические проблемы профилактики корыстных преступлений против собственности граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. [Электронный ресурс] / А. Л. Ситковский // http://www.lawlibrary.ru/disser2003324.html – Режим доступа: [Интернет]. – загл. с экрана. – дата обращения: 07.11.2014 г.

10. Шитяков И. Н. Статусно-ролевая и индивидуальная виктимность сотрудников уголовно-исполнительной системы. [Электронный ресурс] // http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=15&art=2022. – Режим доступа: [Интернет]. – загл. с экрана. – дата обращения: 07.11.2014 г.

11. Вьюгин М. Криминал атакует. [Электронный ресурс] //http://www.vremya.ru/print/189449.html. – Режим доступа: [Интернет]. – загл. с экрана. – дата обращения: 08.11.2014 г.

12. Лебедев А. Собеседник : Спецназ сумеречной зоны. [Электронный ресурс] // http://www.bratishka.ru/archiv/2008/2/2008_2_1.php. – Режим доступа: [Интернет]. – загл. с экрана. – дата обращения: 08.11.2014 г.
13. ФСИН объявила страховой тендер, премия – 1,5 млрд р. [Электронный ресурс] // http://www.asn-news.ru/news/46557. – Режим доступа: [Интернет]. – загл. с экрана. – дата обращения: 07.11.2014 г.

РЕПАКОВА Ольга Николаевна, студентка 5 курса Волго-Вятского института (филиала). Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», 610002, Россия, Кировская область, г. Киров.
E-mail: o.repakova@inbox.ru

Научный руководитель: ФЕЩЕНКО Павел Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, И. о. зав. кафедрой уголовного права и криминологии. Волго-Вятский институт (филиал) «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», г. Киров.

УДК 343.851 + 343.918.1

Скурихина А. А., Ронжина О. С.

ВИКТИМНОСТЬ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Авторы статьи предлагают рассмотреть виктимность лиц в сфере компьютерных преступлений. На сегодняшний день пользователей компьютеров увеличилось во много раз, при этом число компьютерных преступлений, совершаемых в отношении них, увеличивается с каждым годом.. В статье главная, по мнению авторов, причина виктимности жертв компьютерных преступлений – техническая неграмотность. На основе проведенного опроса, а также анализа специальной литературы предложены меры по снижению виктимности населения от рассматриваемой категории преступлений.

Ключевые слова: *виктимология, виктимность; жертва компьютерных преступлений; компьютерная информация; компьютерные преступления; техническая неграмотность.*

Skurihina A. A., Ronzhina O. S.

VICTIMIZATION IN THE SPHERE OF COMPUTER CRIMES

Authors of article suggest to consider a victimization of persons in the sphere of computer crimes. Today the number of computer users increased many times over, thus the number of the computer crimes committed increases every year. In article the main reason of victimization of the computer crimes victims, according to authors, is technical illiteracy. On the basis of the conducted survey, and also the analysis of special literature measures for decrease of victimization of the population from the considered category of crimes are offered.

Keywords: *victimology, victimization; victim of computer crime; computer information; computer crime; technical illiteracy.*

Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, мошенничество, создание, использование и распространение вредоносных программ, распространение порнографии в сети Интернет, кибертерроризм – это далеко не полный перечень компьютерных преступлений.

По мнению М. С. Гаджиева, виктимность обладателей компьютерной информации – одна из главных детерминант компьютерной преступности, а техническая неграмотность пользователей – главная виктимологическая причина. [1, С. 81–85]. Халатность, неграмотность, небрежность пользователей в вопросах защиты своей информации подталкивает правонарушителя к совершению преступления.

Отсутствие средств защиты информации как упрощает совершение преступления, так и дает уверенность преступ-

нику в его безнаказанности. «Известно, что компьютерные преступления имеют очень высокую латентность, которая по различным данным составляет 85–90%, а факты обнаружения незаконного доступа к информационным ресурсам на 90% носят случайный характер» [4].

Как отмечает А. Л. Осипенко, «число компьютерных преступлений набирает темпы (в России за последние 10 лет общее количество зарегистрированных преступлений этого вида возросло в 20,5 раза), одновременно увеличивается и размер наносимого ущерба. По данным международных экспертов, годовой экономический ущерб только от мошенничества в Интернете составляет 200 млрд рублей, а в России – 50–60 млрд рублей. Также отмечается популярность СМС-мошенничества, когда доверчивые граждане отправляют сообщения на короткий номер, после чего злоумышленники списывают у них со счетов деньги» [5. С. 11].

Поэтому ввиду стремительно возрастающих компьютерных преступлений, Интернет-преступность некоторые ученые рассматривают как угрозу экономической безопасности как общества в целом, так и всего государства.

Многие авторы считают основной причиной виктимности компьютерных преступлений техническую неграмотность пользователя. Так, Р. И. Дремлюга говорит, что «например, компьютерные пароли потерпевшего можно получить, представившись системным администратором сети по телефону, или создать интернет-сайт, похожий на благотворительный, и обманом собирать деньги. Подобные способы совершения компьютерных и интернет-преступлений, где преступная цель достигается не с помощью технических приспособлений или компьютерных программ, а с помощью обмана, иногда при непосредственном контакте с потерпевшим, объединены в группу методов, называемую «хакерами» «социальной инженерией» [3. С. 150].

Таким образом, чтобы не стать жертвой компьютерного преступления, необходимо не только быть осторожным, обладать навыками технической защиты, но и уметь противостоять обману.

Мы провели опрос, чтобы узнать, нужна ли населению информация о том, как защитить себя от компьютерных преступников (табл. 1).

Таким образом, по результатам проведенного опроса видно, что опрошенные нуждаются в информации о средствах защиты компьютера, находящейся в нем информации, готовы ее получать и использовать.

Интересную точку зрения высказывает В. А. Бессонов, проводя аналогию между компьютером и человеком-жертвой, наделяя компьютер свойством виктимности. «Виктимность компьютеров» заключается в следующем: компьютерные технологии, а, в частности, персональный компьютер с хранящейся в нем информацией, сам по себе виктимен в силу своих

Таблица 1. Сводная таблица опроса общественности.

Возраст	**15–29**		**30–39**		**40–49**		**50 и старше**	
Количество опрошенных лиц	**70 чел.**		**65 чел.**		**50 чел.**		**15 чел.**	
Вопрос / Ответ	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Используете ли вы средства для защиты компьютера?	69	1	50	15	33	17	6	9
	98,50%	1,50%	76,90%	23,10%	66%	34%	40%	60%
Достаточно ли вы информированы о средствах защиты компьютера?	54	16	39	26	18	32	1	14
	77,20%	22,80%	60%	40%	36%	64%	6,70%	93,30%
Хотели бы вы получать информацию о том, как защитить себя от компьютерных преступлений?	28	42	41	24	29	21	3	12
	40%	60%	63,10%	36,90%	58%	42%	20%	80%

технических, потребительских свойств. Компьютерные технологии непроизвольно формируют, возбуждают, вызывают к жизни в преступнике «чувство уязвимости любой защиты», в свою очередь у человека-жертвы всегда присутствует особое антропологическое свойство – криминальная уязвимость, а, следовательно, у компьютера, хранящего в себе массу ценной информации, присутствует также особое свойство – «компьютерная уязвимость». «Компьютерная уязвимость» – это способность персонального компьютера в силу своих технических, потребительских свойств быть виктимным [2].

Большинство жертв компьютерных преступлений не подозревают о том, что являются потерпевшими. Они не в состоянии обнаружить факт совершения в отношении них преступления, если не наступают материальные последствия. Но, будучи жертвой преступления, лица, которые понесли материальный или иной ущерб, в большинстве случаев не обращаются в правоохранительные органы. Это, как считает Р. И. Дремлюга, обусловлено следующими причинами:

1) нежелание давать правоохранительным органам доступ в свой компьютер (личный или рабочий), открывать доступ к своим личным данным или данным, связанным с работой;

2) нежелание тратить время на обращение за защитой в правоохранительные органы;

3) неверие в то, что преступник будет наказан;

4) боязнь огласки инцидента; руководияели коммерческих организаций боятся, что огласка подобных инцидентов привлечет новых преступников;

5) низкая правовая культура и правосознание [3. С. 154].

Нежелание потерпевших обращаться за защитой в правоохранительные органы, соответственно безнаказанность преступников, являются стимулами для совершения новых компьютерных преступлений.

Отказ потерпевших от преследования так называемых «киберпреступников» позволяет действительным преступникам уходить от ответственности, а другим, потенциальным, преступникам переходить от действий теоретического характера к их практическому осуществлению.

С учетом всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что существует необходимость создания и распространения системы виктимологической профилактики компьютерной преступности. В настоящее время проводятся круглые столы по обсуждению проблем компьютерной преступности с участием правоохранительных органов, созданы подразделения «К» в системе МВД России, основным направлением деятельности которых является борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации.

Все это, безусловно, положительные моменты. Но меры, которые применяются, недостаточны. На наш взгляд, эффективными мерами предупреждения преступности, защиты, повышения технической грамотности населения могли бы стать следующие:

1) разработка рекомендаций для обычного пользователя (по уровню его знаний и навыков работы с компьютером);

2) распространение выработанных рекомендаций (например, в форме буклетов, рекламы, презентаций и т. д.), использование сети Интернет и, в частности, официальных сайтов правоохранительных органов в целях распространения разработанных материалов (например, размещение ссылки в социальных сетях в привлекающем внимание виде с интригующим названием на интернет-ресурс, где выложены указанные рекомендации);

3) организация круглых столов, встреч, семинаров на муниципальном, районном, областном уровнях (например, в институтах повышения квалификации, на предприятиях, в учебных заведениях разного уровня и др.);

4) привлечение к сотрудничеству СМИ, специализированных магазином компьютерной техники и т. д.

Проведение предложенных нами мер в большем количестве, чем есть на данный момент, необходимо. Если значительное большинство пользователей научится, как не стать жертвой компьютерных преступников, тогда Интернет для «киберхулиганов» станет менее привлекателен.

Сегодня, в век развитых компьютерных технологий, каждый пользователь должен знать, как защитить себя от «виртуальных посягательств» в сфере ком-

пьютерных преступлений. И тогда Интернет уже не будет таким привлекательным для «киберхулиганов».

В положительном плане, как представляется, можно отметить ежегодно проводимые на база Волго-Вятского института Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) студенческие круглые столы «Проблемы виктимологической профилактики преступности в современной России», где не только обсуждаются проблемы снижения уязвимости граждан от преступных посягательств, в том числе в компьютерной сфере, но и раздаются участникам подготовленные докладчиками буклеты-памятки по наиболее типичным виктимогенным ситуациям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гаджиев М. С. Криминологический анализ преступности в сфере компьютерной информации (по материалам Республики Дагестан): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. – Махачкала, 2004. – С. 81–85.
2. Бессонов В. А. Виктимологические аспекты предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации : автореферат дис. … канд. юрид. наук. 12.00.08. – Нижний Новгород, 2000.
3. Дремлюга, Р. И. Интернет-преступность : монография. / Р.И. Дремлюга. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – С. 150, 154. [Электронный ресурс] / Р. И. Дремлюга // http://prevention.wl.dvgu.ru/mat/books/Internet_crime_Dremlyga.pdf – Режим доступа: [Интернет]. – загл. с экрана. – дата обращения: 26.10.2014 г.
4. Клаверов, Б. Б. Проблемы противодействия компьютерной преступности [Электронный ресурс] / Б. Б. Клаверов // http://www.securitylab.ru/contest/382194.php. – Режим доступа: [Интернет]. – загл. с экрана. – дата обращения: 26.10.2014 г.
5. Осипенко, А. Л. Организованная преступность в сети Интернет / А. Л. Осипенко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2012. – № 3. – С. 11.

СКУРИХИНА Анна Андреевна, студент Волго-Вятского института (филиала). Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», 610002, Россия, Кировская область, г. Киров.
E-mail: melkaya-27@mail.ru

РОНЖИНА Ольга Сергеевна, студент Волго-Вятского института (филиала). Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», 610002, Россия, Кировская область, г. Киров.
E-mail: Olyaronzhina1691@mail.ru

Научный руководитель: ФЕЩЕНКО Павел Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, И. о. зав. кафедрой уголовного права и криминологии. Волго-Вятский институт (филиал) «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», г. Киров.

УДК 343.85 + 328.185 + 35.086.2

Майоров В. И.

УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ КАК МЕРА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Противодействие коррупции является одной из наиболее актуальных и важных задач развития современного государства и общества. В предложенной статье отмечается, что современное законодательство недостаточно полно и исчерпывающе регулирует вопросы обеспечения эффективности деятельности госслужащих. Автор указывает на то, что коррупция представляет колоссальную социальную угрозу и выступает одним из наиболее серьезных условий, препятствующих результативному и эффективному развитию государства и гражданского общества. Анализируя материалы, опубликованные в средствах массовой информации, автор приходит к выводу, что у граждан имеется потенциальная угроза стать жертвой коррупционного преступления. Решение существующей проблемы видится в осуществлении мер социального противодействия коррупции.

Ключевые слова: *государственная служба, конфликт, коррупция, противодействие, социальная угроза, общество.*

Mayorov V. I.

SETTLEMENT OF CONFLICT OF INTERESTS IN SYSTEM OF PUBLIC SERVICE AS THE MEASURE OF SOCIAL COUNTERACTION OF CORRUPTION

Counteraction of corruption is one of the most actual and important problems of development of the modern state and society. In the offered article it is noted that the modern legislation regulates questions of ensuring efficiency of activity of civil servants insufficiently. The author specifies that corruption poses enormous social threat and acts as one of the most serious conditions interfering productive and effective development of the state and civil society. Analyzing the materials published in mass media, the author comes to a conclusion that citizens have a potential threat to fall a victim of a corruption crime. The solution of the existing problem seems in implementation of measures of social counteraction of corruption.

Keywords: *public service, conflict, corruption, counteraction, social threat, society.*

Противодействие коррупции является одной из наиболее актуальных и важных задач развития современного государства и общества. В качестве аргументации данного тезиса не будем использовать традиционную статистику правоохранительных органов, а предлагаем обратиться к открытым источникам средств массовой информации, освещающих в частности, материалы о криминальной деятельности руководителей органов местного самоуправления.

По данным источника РИА Новости, в марте 2008 года Генпрокуратурой РФ было возбуждено уголовное дело по воспрепятствованию осуществления правосудия и производства предварительного расследования, совершенного с использованием служебного положения в отношении мэра Твери. В апреле и июне 2008 года следственным управлением СКП по Амурской области в отношении мэра города Свободный (Амурской области) было возбуждено сразу три уголовных дела о превышении и злоупотреблении должностными полномочиями, повлекшими тяжкие последствия. По данным следствия, в результате злоупотребления полномочиями градоначальника местному бюджету был также причинен ущерб на сумму свыше 6 миллионов рублей. В 2008 году было также возбуждено уголовное дело по части 1 статьи 293 УК РФ (халатность) против мэра города Нижний Тагил.

Так же в 2008 году мэру Великого Новгорода были предъявлены обвинения по статьям нецелевое расходование бюджетных средств в особо крупном размере и превышение должностных полномочий главой органа местного самоуправления с причинением тяжких последствий. Новгородский городской суд приговорил бывшего мэра к штрафу в размере 280 тысяч рублей и лишил его права в течение трех лет занимать должности государственной гражданской службы и в органах местного самоуправления. Более строгое наказание было вынесено судом в 2009 году в отношении бывшего мэра города Саратова – четыре года лишения свободы в колонии строгого режима, штраф 700 тысяч рублей и лишение его права занимать должности на государственной и муниципальной службе. Бывший чиновник был признан виновным в получении взятки в крупном размере за служебное бездействие в пользу взяткодателей, двух эпизодах злоупотребления своими должностными полномочиями.

В криминальной деятельности чиновников наблюдается и активная форма коррупционного поведения, так, например 26 февраля 2010 года правоохранительные органы задержали бывшего мэра города Смоленска. По версии следствия, мэр, его заместитель и охранник вымогали у директора строительной организации взятку в виде трехкомнатной квартиры стоимостью более 2 миллионов рублей в новом доме за выдачу разрешений на ввод в эксплуатацию этого дома и магазина, построенного этой же организацией. Смоленский областной суд приговорил экс-чиновника к четырем годам колонии строгого режима, штрафу в 400 тысяч рублей и запрет занимать административные должности во власти в течение двух лет.

В 2011 году Восточный суд Бийска приговорил экс-мэра Бийска к трем годам лишения свободы условно за ряд должностных преступлений. Согласно предъявленному обвинению, в 2007–2008 гг. мэр незаконно вынуждал предпринимателей и других жителей города вносить крупные суммы – от 100 тысяч рублей до 15 миллионов рублей – в бюджет города либо выполнять работы «во благо» города.

В апреле 2013 года был задержан мэр города Бердска Новосибирской области, подозреваемый в передаче взятки, в вымогательстве взятки и в приготовлении к мошенничеству. Полиция задержала чиновника после того, как ему были переданы 3 миллиона рублей за участок земли в элитной зоне на побережье Бердского залива Новосибирского водохранилища.

Также в октябре 2013 года следствие предъявило обвинение в вымогательстве крупной взятки мэру города Рыбинска Ярославской области. По данным следствия, в июле чиновник потребовал от директора одного из муниципальных предприятий взятку в размере 2 миллионов рублей, если тот хочет остаться руководителем [7].

На основании изложенных фактов можно вполне ответственно заявлять, что граждане сталкиваются с угрозой коррупции на всех уровнях государственного и муниципального управления, от вы-

дачи разрешений на местном уровне до практического исполнения законов и правовых норм, продолжается «приватизация государства», нарушаются принципы финансирования избирательных кампаний и исполнения крупных государственных контрактов, которые попрежнему остаются основными источниками коррупционных рисков. В свою очередь общество предъявляет все более высокие требования к функционированию институтов государственной службы. Оценка деятельности госслужащих зависит, в частности, от качественного оказания гражданам и организациям государственных услуг, от того, насколько высок процент отсутствия культуры общения с гражданами, проявления бюрократизма и коррупции [5. С. 68].

Коррупция является серьезнейшей проблемой нашей страны, она «охватила многие сферы власти и управления, она разрушает нравственные устои гражданского общества» По мнению профессора К. В. Вишневецкого «в этом и заключается виктимогенность коррупции, поскольку масштабы ее огромны, судя по числу лиц, занимающихся подкупом» [3. С. 98].

Однозначно коррупция представляет колоссальную социальную угрозу и выступает одним из наиболее серьезных условий, препятствующих результативному и эффективному развитию государства и гражданского общества. У граждан имеется потенциальная угроза стать жертвой коррупционного преступления. Такую «потенциальную способность гражданина» профессор К. В. Вишневецкий определяет как коррукционную виктимность [3. С. 98]. В этой связи острой необходимостью становится применение мер виктимологической защиты жертв коррупции, внедрение в практику государственного управления мер профилактики и противодействия коррупции, активизация институтов гражданского общества, организаций и граждан по снижению коррупционной виктимизации, минимизации ее последствий. Необходимо совершенствование законодательства о государственной службе в целях установления обязательной профилактики недопустимости использования служащими должностного положения в частных или групповых интересах.

Следует констатировать, что современное законодательство недостаточно полно и исчерпывающе регулирует вопросы обеспечения эффективности деятельности госслужащих. Имеющийся в настоящее время проект указа Президента Российской Федерации «О федеральной программе “Развитие государственной службы Российской Федерации (2015 – 2018 годы)” и план мероприятий по развитию системы государственной службы Российской Федерации до 2018 года» отчасти отвечает поставленным задачам. Он включает в себя те самые мероприятия по направлениям развития государственной службы, которые так необходимы для поддержания эффективности институтов государственной службы в Российской Федерации: внедрение современных принципов организации государственной службы; формирование новой системы квалификационных требований к должностям государственной службы; повышение качества отбора для замещения должностей государственной службы; внедрение комплексной оценки государственных служащих; обеспечение непрерывного профессионального развития государственных служащих; развитие многофакторной системы мотивации государственных служащих; внедрение антикоррупционных кадровых технологий на государственной службе; обеспечение открытости государственной службы, расширение общественного участия [5. С. 68].

Одним из способов профилактики коррупционных проявлений в системе государственной службы, призванным реализовывать принцип публичности и открытости деятельности органов государственной власти, выступает институт конфликта интересов. Институт урегулирования конфликта интересов вполне объективно можно считать мерой социального противодействия коррупции.

Определений понятия конфликта в научной литературе достаточно много. Все они объединены тем, что конфликт – это всегда разногласие по какому-либо вопросу.

Конфликт интересов на государственной службе представляет собой довольно сложную теоретическую и практическую проблему. Это мало разработанная правовая категория, обладающая неоднозначной характеристикой, размытыми границами между частными, государственными и общественными интереса-

ми, тяжело поддающаяся внутреннему и внешнему контролю, имеющая нечеткий, неясный и неполный механизм предотвращения и урегулирования конфликта интересов, не позволяющий применять его напрямую. Согласно ст. 19 Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ» конфликт интересов проявляется в ситуации, при которой личная заинтересованность гражданского служащего влияет или может повлиять на объективное исполнение им должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью гражданского служащего и законными интересами граждан, организацией, общества, субъекта Российской Федерации и Российской Федерации, способное привести к причинению вреда этим законным интересам. Конфликт интересов на государственной службе, как правило, приводит к негативным последствиям, возникновению которых способствуют некачественное исполнение государственным служащим должностных обязанностей, противоречия между его личной заинтересованностью и законными интересами граждан, организаций, общества, государства. С целью виктимологической профилактики, а также обеспечения соблюдения государственными гражданскими служащими требований к служебному поведению, урегулированию конфликта интересов, способного привести к причинению вреда законным интересам граждан, организаций, общества и Российской Федерации, созданы и функционируют в государственных органах комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов.

Правовой основой деятельности комиссий служат:

Конвенция ООН против коррупции (ратифицирована Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ);

Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»;

Федеральный закон от 27.06.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»;

Указ Президента Российской Федерации от 18.05.2009 № 559 «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера»;

Указ Президента Российской Федерации от 21.10.2009 № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению»;

Указ Президента Российской Федерации от 01.07.2010 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов»;

Указ Президента РФ от 11.04.2014 № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015» [1].

Положением «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов», утвержденным указом Президента Российской Федерации от 01.07.2010 № 821, регламентировано, что в соответствии с пунктом 2 указа № 821 полномочия комиссии, образованной в федеральном государственном органе, распространяются на лиц, замещающих должности федеральной государственной гражданской службы в этом органе.

Основной задачей комиссий является содействие государственным органам:

а) в обеспечении соблюдения федеральными государственными служащими ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, а также в обеспечении исполнения ими обязанностей, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», другими федеральными законами;

б) в осуществлении в государственном органе мер по предупреждению коррупции [2].

К ситуациям, связанным с возникновением или возможностью возникновения конфликта интересов на государственной службе, могут быть отнесены, например:

• участие государственного служащего, его родственников или лиц, с которыми он поддерживает отношения, основанные на нравственных *(фактические брачные, интимные, дружеские и иные отношения)* или имущественных обязательствах *(родственники и иные лица)*, в деятельности коммерческой организации или осуществление родственниками и иными лицами предпринимательской деятельности, если отдельные функции государственного управления данной организацией либо в соответствующей сфере деятельности входят в должностные обязанности государственного служащего;

• участие государственного служащего в работе комиссии по размещению государственного заказа или в организации размещения заказов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных нужд, либо его возможность иным образом, в том числе косвенно, влиять на определение победителя конкурса, в случае, если государственный служащий, родственники и иные лица связаны с лицом, участвующим в конкурсе *(например, состоят в трудовых, подрядных отношениях, либо отношениях по оказанию услуг, имеют обязательства имущественного характера)*;

• осуществление государственным служащим контрольных и надзорных полномочий в отношении родственников и иных лиц либо граждан и организаций, с которыми связаны государственный служащий, родственники и иные лица *(например, состоят в трудовых, подрядных отношениях, либо отношениях по оказанию услуг, имеют обязательства имущественного характера)*;

• подготовка и принятие *(участие в подготовке и принятии) решений о распределении бюджетных ассигнований, субсидий, межбюджетных трансфертов, а также распределение ограниченного ресурса (квоты, частоты, участки недр и др.)* в отношении родственников и иных лиц либо в отношении граждан и организаций, с которыми связаны государственный служащий, родственники и иные лица *(например, состоят в трудовых, подрядных отношениях, либо отношениях по оказанию услуг, имеют обязательства имущественного характера)*;

• предоставление *(участие в предоставлении)* государственных услуг родственникам и иным лицам либо гражданам и организациям, с которыми связаны государственный служащий, родственники и иные лица *(например, состоят в трудовых, подрядных отношениях, либо отношениях по оказанию услуг, имеют обязательства имущественного характера)*;

• участие государственного служащего в осуществлении оперативно-разыскных мероприятий, деятельности органов следствия и дознания в отношении родственников и иных лиц либо граждан и организаций, с которыми связаны государственный служащий, родственники и иные лица *(например, состоят в трудовых, подрядных отношениях, либо отношениях по оказанию услуг, имеют обязательства имущественного характера)* [6. С. 159–160].

Комиссия образуется нормативным правовым актом государственного органа. Указанным актом утверждаются состав комиссии и порядок ее работы.

В состав комиссии входят председатель комиссии, его заместитель, назначаемый руководителем государственного органа из числа членов комиссии, замещающих должности государственной службы в государственном органе, секретарь и члены комиссии.

Число членов комиссии, не замещающих должности государственной службы в государственном органе, должно составлять не менее одной четверти от общего числа членов комиссии.

Состав комиссии формируется таким образом, чтобы исключить возможность возникновения конфликта интересов, который мог бы повлиять на принимаемые комиссией решения.

Основаниями для проведения заседания комиссии являются:

• представление руководителем государственного органа в соответствии с пунктом 31 Положения «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению», утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065, материалов проверки, свидетельствующих:

• о представлении государственным служащим недостоверных или неполных сведений, предусмотренных подпунктом «а» пункта 1 названного Положения;

• о несоблюдении государственным служащим требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов;

• поступившее в подразделение кадровой службы государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений либо должностному лицу кадровой службы государственного органа, ответственному за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений, в порядке, установленном нормативным правовым актом государственного органа;

• обращение гражданина, замещавшего в государственном органе должность государственной службы, включенную в перечень должностей, утвержденный нормативным правовым актом Российской Федерации, о даче согласия на замещение должности в коммерческой или некоммерческой организации либо на выполнение работы на условиях гражданско-правового договора в коммерческой или некоммерческой организации, если отдельные функции по государственному управлению этой организацией входили в его должностные (служебные) обязанности до истечения двух лет со дня увольнения с государственной службы;

• заявление государственного служащего о невозможности по объективным причинам представить сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей;

• представление руководителя государственного органа или любого члена комиссии, касающееся обеспечения соблюдения государственным служащим требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов либо осуществления в государственном органе мер по предупреждению коррупции;

• представление руководителем государственного органа материалов проверки, свидетельствующих о представлении государственным служащим недостоверных или неполных сведений, предусмотренных частью 1 статьи 3 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»;

• поступившее в соответствии с ч. 4 ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в государственный орган уведомление коммерческой или некоммерческой организации о заключении с гражданином, замещавшим должность государственной службы в государственном органе, трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг), при условии, что указанному гражданину комиссией ранее было отказано во вступлении в трудовые и гражданско-правовые отношения с указанной организацией или что вопрос о даче согласия такому гражданину на замещение им должности в коммерческой или некоммерческой организации либо на выполнение им работы на условиях гражданско-правового договора в коммерческой или некоммерческой организации комиссией не рассматривался.

Председатель комиссии при поступлении к нему в порядке, предусмотренном нормативным правовым актом государственного органа, информации, содержащей основания для проведения заседания комиссии, в 3-дневный срок назначает дату заседания комиссии. При этом дата заседания комиссии не может быть назначена позднее семи дней со дня поступления указанной информации.

Знакомит государственного служащего, в отношении которого комиссией рассматривается вопрос о соблюдении требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов, его представителя, членов комиссии и других лиц, участвующих в заседании комиссии, с информацией, поступившей в подразделение государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений либо должностному лицу кадровой службы государственного органа, ответственному за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений, и с результатами ее проверки.

При наличии рассматривает ходатайства о приглашении на заседание комиссии лиц, указанных в пп. «б» п. 13 Положения, принимает решение об их удов-

летворении (об отказе в удовлетворении) и о рассмотрении (об отказе в рассмотрении) в ходе заседания комиссии дополнительных материалов [1].

Заседание комиссии проводится в присутствии государственного служащего, в отношении которого рассматривается вопрос о соблюдении требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов. При наличии письменной просьбы государственного служащего о рассмотрении указанного вопроса без его участия заседание комиссии проводится в его отсутствие. Решения комиссии по вопросам, указанным в п. 16 Положения, принимаются тайным голосованием (если комиссия не примет иное решение) простым большинством голосов присутствующих на заседании членов комиссии.

Решения комиссии оформляются протоколами, которые подписывают члены комиссии, принимавшие участие в ее заседании. Решения комиссии, за исключением решения, принимаемого по итогам рассмотрения вопроса, указанного в абзаце втором пп. «б» п. 16 Положения, для руководителя государственного органа носят рекомендательный характер.

Руководитель государственного органа обязан рассмотреть протокол заседания комиссии и вправе учесть в пределах своей компетенции содержащиеся в нем рекомендации при принятии решения о применении к государственному служащему мер ответственности, предусмотренных нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также по иным вопросам организации противодействия коррупции. О рассмотрении рекомендаций комиссии и принятом решении руководитель государственного органа в письменной форме уведомляет комиссию в месячный срок со дня поступления к нему протокола заседания комиссии. Решение руководителя государственного органа оглашается на ближайшем заседании комиссии и принимается к сведению без обсуждения.

В случае установления комиссией факта совершения государственным служащим действия (бездействия), содержащего признаки административного правонарушения или состава преступления, председатель комиссии обязан передать информацию о совершении указанного действия (бездействии) и подтверждающие такой факт документы в правоприменительные органы в 3-дневный срок, а при необходимости – немедленно.

Копия протокола заседания комиссии или выписка из него приобщается к личному делу государственного служащего, в отношении которого рассмотрен вопрос о соблюдении требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов.

Члены комиссии и лица, участвовавшие в ее заседании, не вправе разглашать сведения, ставшие им известными в ходе работы комиссии [1].

Таким образом, можно полагать, что государственная служба сама по себе обладает высоким конфликтным потенциалом, который, с одной стороны, создается внешней средой, в которой государственные органы реализуют свои полномочия, а, с другой стороны, внутренней средой, формируемой сферой административно-служебных и социально-трудовых отношений. Поэтому возникновение конфликта интересов неизбежно в силу специфики государственной службы и управления, обусловлено ненадлежащей реализацией конституционных принципов защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина, низким качеством государственной службы, отклоняющимися от нормативов действиями, решениями и поведением государственного служащего. Полностью устранить конфликт интересов невозможно, поэтому в конфликтной ситуации можно только осуществить процедуру его эффективного урегулирования. В этих целях, а также для снижения его отрицательных последствий необходимо научиться обнаруживать причины его возникновения, способствующие этому условия, выявлять динамику развития конфликта, следить за его протеканием, управлять разрешением, снижать уровень конфликтного противостояния [4. С. 15–16].

Весьма важно выявить конфликт интересов на более ранних стадиях его возникновения. Это позволит выработать комплекс мер виктимологической профилактики, противодействовать коррупциогенной составляющей в сфере государственной службы в том числе мерами социального противодействия. У коррупционных преступлений, как у медали – две стороны. Одна дает, другя берет. В итоге

кто-то станет жертвой. Жертвой криминальной либо жертвой социальной.

Подводя итог, следует отметить следующее: остаются неразработанными общетеоретические положения и отдельные процедуры деятельности Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов; на этой основе требуется принятие ряда новых нормативных положений и обобщение практики работы комиссий. Кроме того требуются критерии оценки эффективности государственной службы и результативности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аминов Д. И., Гладких В. И., Соловьев К. С. Коррупция как социально-правовой феномен и пути ее преодоления. – М., 2012. – 140 с.
2. Атаманчук Г. В. Конституционные основы государственной службы и кадровой политики. – М., 2012. – 318 с.
3. Вишневецкий К. В. Виктимологический механизм коррупции // Теория и практика общественного развития. 2014. – № 14. – С. 98–99.
4. Корченов В. Конфликт интересов в законодательстве // Государственная служба. – 2008. – № 5. – С. 15–19.
5. Майоров В. И. О повышении качества государственной службы в Российской Федерации // Проблемы права. – 2014. – № 3 (46). – С. 66–69.
6. Противодействие коррупции: разрешение конфликта интересов / под ред. М. Б. Горного и А. И. Волкова. – СПб.: Норма, 2005. – 204 с.
7. РИА Новости http://ria.ru/spravka/20131001/966993302.html#ixzz3Mq9e2ru7

МАЙОРОВ Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Уральского финансово-юридического института (г. Екатеринбург); профессор кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета (г.Тюмень).
E-mail: 1955715@rambler.ru

УДК 343.85 + 328.185 + 35.072.22

Зеленкин В. Л.

О ПРОФИЛАКТИКЕ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Рассматривая профилактику коррупции в сфере государственной службы, автор предлагает обратиться к нормативно-правовым актам, регулирующим данный вид деятельности. Анализируя ряд изменений в законодательстве, направленном на противодействие коррупции в сфере государственной и муниципальной службе; рассматривая позиции ученых по этому поводу, автор делает собственные выводы. Ключевой позицией автора по рассматриваемому вопросу является то, что среди мер противодействия коррупции на государственной и муниципальной службе особое место занимают меры по урегулированию так называемого конфликта интересов.

Ключевые слова: *коррупция, конфликт интересов, меры противодействия коррупции.*

Zelenkin V. L.

ON THE PREVENTION OF CORRUPTION IN THE SPHERE OF PUBLIC SERVICE

Considering prevention of corruption in the sphere of public service, the author offers to address to the normative legal acts regulating this kind of activity. Analyzing a number of changes in the legislation directed on counteraction of corruption in the sphere to the public and municipal service; considering positions of scientists about it, the author draws own conclusions. Key position of the author on a case in point is that among measures of counteraction of corruption in the public and municipal service the special place is taken by measures for settlement of the so-called conflict of interests.

Keywords: *corruption, conflict of interests, corruption counteraction measures.*

По данным Международной неправительственной организации по противодействию коррупции «Transparency International», публикующей ежегодный рейтинг стран «Индекс восприятия коррупции», – в 2014 году Россия опустилась в нем на шесть позиций – с 127-го места (2013 г.) на 136-е место [13]. Такая ситуация вызывает, на наш взгляд, необходимость еще раз обратиться к вопросам, связанным с анализом и совершенствованием мер по противодействию коррупционным проявлениям в нашей стране.

Среди мер противодействия коррупции на государственной и муниципальной службе особое место занимают меры по урегулированию так называемого конфликта интересов.

Слово «конфликт» (от лат. conflictus – столкновение) в русском языке стало употребляться сравнительно недавно, в XIX в. С. И. Ожегов данному термину дает следующее толкование: столкновение, серьезное разногласие, спор. В основе любого конфликта лежит ситуация, включающая либо противоречивые позиции сторон по какому-либо поводу, либо противоположные цели или средства их достижения в данных обстоятельствах, либо несовпадение интересов, желаний, влечений оппонентов и т. п. [6. С. 22].

Из этого тезиса можно заключить, что конфликт возникает всегда, когда происходит столкновение интересов двух и более социальных единиц.

В социологии под интересом понимается предмет или благо, на который могут претендовать одновременно две или более стороны. У каждой стороны есть область своих интересов, при достаточной активности обеих сторон области интересов пересекаются, тогда и возникает конфликтная ситуация [11. С. 99–100].

В праве посредством данной категории выражаются притязания индивида, правовая и иная оценка явлений, действий в правовой сфере. Интерес выступает побудителем, своего рода ценностью и установкой действовать или не действовать [7. С. 10–16]. Проявляясь в правовой сфере, интерес становится признанным правом, им обеспеченным и охраняемым.

В правовой сфере интересы принято делить, в зависимости от субъектов, на частные и публичные. Стоит сказать о том, что любой интерес, независимо от его носителя, будет являться предметом правовой охраны. Частные и публичные субъекты в своей деятельности изначально преследуют различные цели, в связи с этим их интересы нередко сталкиваются друг с другом. В такой ситуации избежать в правовом регулировании конфликта между ними просто невозможно. Задача демократического правового государства состоит в том, чтобы насколько это возможно смягчить столкновения позитивных частных интересов и правовыми средствами способствовать компромиссному сближению публичного и частных интересов [10. С. 19].

Понятие «конфликт интересов» в российском законодательстве появилось впервые применительно к законодательству о предпринимательской деятельности. Так, данный термин используется, в частности, в федеральных законах «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 г. (ст. 3), «Об инвестиционных фондах» от 29 ноября 2001 г. (ст. 44), «Об ипотечных ценных бумагах» от 11 ноября 2003 г. (ст. 43), «О сельскохозяйственной кооперации» от 8 декабря 1995 г. (ст. 38), «О негосударственных пенсионных фондах» от 7 мая 1998 г. (ст. 36.24), «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации» от 24 июля 2002 г. (ст. 35). Причем, если в некоторых из этих документов понятие «конфликт интересов» присутствует, но не разъясняется, то в других дается его определение. В целом для конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности характерно наличие (или возможность наличия) трех объективных компонентов: противоречие интересов, крупный убыток или неправомерное деяние (его сокрытие) и причинная связь между ними [5. С. 11–12].

Термин «конфликт интересов» в контексте деятельности государственных и муниципальных служащих применяется в основном в связи с вопросами коррупционного поведения. Распространение данного института на сферу публичного управления вызвано необходимостью предотвращения влияния на публичного служащего каких-либо частных интересов, которые могут повлиять на выполнение им своих должностных обязанностей.

В Конвенции ООН против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) декларируется, что государство-участник должно стремиться в соответствии с принципами своего внутреннего законодательства устанавливать меры и системы, обязывающие публичных лиц представлять соответствующим органам декларации, среди прочего, о внеслужебной деятельности, занятиях, инвестициях, активах и о существенных дарах или выгодах, в связи с которыми может возникнуть коллизия интересов в отношении их функций в качестве публичных должностных лиц (ч. 5 ст. 8).

Применительно к Российской Федерации Н. В. Новоселова указывает, что «впервые нормативное определение понятия “конфликт интересов” в законодательстве о государственной службе как ситуации, когда личная заинтересованность влияет или может повлиять на объективное исполнение должностных (служебных) обязанностей, появилось в Указе Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 “Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих”. Данное положение носило скорее декларативный характер, поскольку его значение было нивелировано формулировкой ст. 11 Федерального закона от 31 июля 1995 г. “Об основах государственной службы Российской Фе-

дерации", запрещающей государственному служащему заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме педагогической, научной и иной творческой деятельности». Это утверждение является не совсем верным, так как конфликт интересов не обязательно связан с работой государственного служащего в какой-либо частной организации по совместительству. Такая ситуация является частным случаем конфликта интересов. Фактически же он может возникать и в других ситуациях, например в случае поручения государственному служащему осуществления контрольных или юрисдикционных полномочий в отношении организации, в которой работает его близкий родственник; приобретения служащим ценных бумаг подконтрольных организаций и т. п. Как справедливо отмечают А. В. Кудашкин и Т. Д. Козлов, «…в самом общем плане под конфликтом интересов в деятельности государственного или муниципального служащего понимаются ситуации, в которых личный финансовый или иной интерес служащего или зависимость его от других граждан или организаций могут помешать или мешают должным образом исполнять должностные обязанности». Поэтому и в период действия Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации» существовала объективная необходимость предотвращения и урегулирования конфликта интересов, которая, однако, не была подкреплена никакими действенными механизмами [1. С. 97–98].

Такие механизмы появились с принятием Федеральных законов «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. и «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 2 марта 2007 г. и были подвергнуты определенной ревизии после принятия Федерального закона «О противодействии коррупции».

Во-первых, теперь конфликтом интересов должна считаться ситуация, связанная с влиянием личной заинтересованности государственного или муниципального служащего на надлежащее исполнение им не только должностных (т. е. по конкретной должности), но и общих служебных обязанностей. При этом следует отметить, что Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции" от 25 декабря 2008 г.» служебные обязанности, установленные ст. 18 и 20 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации», распространены на служащих органов внутренних дел, прокуратуры, таможенных органов, органов наркоконтроля, а также военнослужащих.

Во-вторых, новый Закон подчеркивает, что личная заинтересованность государственного и муниципального служащего может быть не только прямой, но и косвенной. Достаточно сложно сказать, что при этом понимают законодатели под косвенной личной заинтересованностью. Можно лишь предположить, что в данном случае речь может идти не о непосредственном получении государственным или муниципальным служащим доходов, а о создании реальной возможности их получения. Однако в любом случае понятия «личная заинтересованность» и «конфликт интересов» остаются, к сожалению, оценочной категорией [11. С. 178–179].

Помимо вышеуказанного новеллой Закона является распространение института урегулирования конфликта интересов на все виды государственной службы, в том числе правоохранительную и военную.

Изменениям также подверглось и понятие личной заинтересованности. Во-первых, в определении данной новеллы законодатель исключил указание на неосновательное обогащение.

Во-вторых, вместо общего указания на натуральную форму непосредственного получения доходов и доходов в виде материальной выгоды законодатель конкретизировал, что речь может идти о получении ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав.

В-третьих, законодатель отказался от подробного определения иных лиц, которые могут получить доход в случае использования государственным или муниципальным служащим своего служебно-

го положения (как это было сделано в Законах о государственной гражданской и муниципальной службе) [12, с.32].

В связи с указанными изменениями нельзя не отметить, что понятие личной заинтересованности в российском законодательстве оказалось значительно суженным по сравнению с используемым в международно-правовых актах (например, ч. 5 ст. 8 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.). Международный кодекс поведения государственных должностных лиц (принят 12 декабря 1996 г. Резолюцией 51/59 на 82-м пленарном заседании 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) также устанавливает, что государственные должностные лица не используют свое официальное положение для неподобающего извлечения личных выгод или личных и финансовых выгод для своих семей (ст. 4).

Полагаем, следовало бы присоединиться к мнению тех исследователей, которые считают, что личная заинтересованность в контексте предотвращения и урегулирования конфликта интересов на государственной и муниципальной службе должна охватывать не только материальный аспект, но и интерес государственного служащего в приобретении нематериального блага (нелегитимное получение награды, продвижение по службе в связи с родственными и иными «особыми» отношениями с лицами, к полномочиям которых относится принятие соответствующих решений).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Антикоррупционная политика: справ. / под ред. А. В. Малько. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2006. – 384 с.
2. Архипова Т. Г. История государственной службы в России. XVIII–XX века: учеб. пособие. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 231 с.
3. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. Курс лекций. – М., 1997. – 400 с.
4. Голованова Е. И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв.: историко-правовое исследование : автореф. дис. … канд. юр. наук. – М., 2002. – 187 с.
5. Дементьев А. Н., Качушкин С. В. Институт конфликта интересов и предотвращение коррупции на государственной гражданской службе // Государственная власть и местное самоуправление. -– 2008. -– № 2. – С. 9–19.
6. Магомедов К. О. Социальная справедливость для гражданского общества и правового государства // Социология власти. – 2011. – № 2. – http://socofpower.rane.ru/
7. Майоров В. И. Государственно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации: теоретико-прикладные проблемы : монография / В. И. Майоров. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 208 с.
8. Мельников В. П. Государственная служба в России: исторический опыт. – М., 2005. – 506 с.
9. Нравственные основы государственной службы России / под общ. ред. В. М. Соколова. – М.: РАГС /Статут, 2006.
10. Овсянко Д. М. Государственная служба Российской Федерации: учеб. пособие. – М., 2012. – 209 с.
11. Фролов С. С. Социология организаций: учебник. – М.: Гадарики, 2001. – 304 с.
12. Чаннов С. Е. Правовое урегулирование конфликта интересов на государственной гражданской службе // Трудовое право. – 2006. – № 11. – С. 30–34.
13. Transparency International: В России стало хуже с коррупцией // http://www.interfax.ru/business/410679

ЗЕЛЕНКИН Виктор Леонидович, прокурор Центрального района г. Челябинска, младший советник юстиции, аспирант Челябинского государственного университета (г. Челябинск)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ВИКТИМОЛОГИЯ»

ОБЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике журнала и требованиям по оформлению статей. Текст для публикации объемом **5–15 страниц формата А4** должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: *«Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые»*. Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание своей статьи редакции и выражает свое согласие на размещение в базе РИНЦ.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

• УДК (обязательно перед текстом рукописи).

• Фамилия и инициалы автора(ов) на русском и на английском языках.

• Название статьи заглавными буквами на русском и на английском языках.

• Аннотация (от 5 до 7 строк) и список ключевых слов в именительном падеже (5 – 7 слов) на русском и на английском языках.

• Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны).

• Редактор – **Microsoft Word** (.doc). Шрифт (гарнитура) – **Times New Roman.**

• Размер шрифта (кегль) – **14**, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 11.

• Абзацный отступ («красная строка») – **1,0** см.

• Межстрочный интервал – **полуторный**. Выравнивание текста – **по ширине**.

• Автоматическая расстановка переносов допускается.

• Цитируемая в статье литература приводится в виде списка в конце текста. В тексте в квадратных скобках дается ссылка на порядковый номер списка (ГОСТ Р 7.0.5.-2008.).

• Авторские примечания (не являющиеся используемой литературой или ссылкой на источник) размещаются в постраничных сносках.

• После статьи **обязательно** указываются: фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы, город, адрес электронной почты автора.

К РУКОПИСИ НЕОБХОДИМО ПРЕДОСТАВИТЬ:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).

2. Сведения об авторе(ах) по представленной ниже форме (отсканированную копию).

3. Для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук рецензия, подписанная научным руководителем и заверенная печатью учреждения (оригинал или отсканированную копию оригинала).

Подготовленные материалы необходимо направить по адресу электронной почты:
victimologiy@mail.ru.
В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.
Редакция оставляет за собой право редактировать статьи и сокращать материал.
Авторский экземпляр номера журнала высылается, на указанный в заявке адрес наложенным платежом.

АНКЕТА АВТОРА*

представленной в редакцию рукописи статьи:

_____

(название статьи)

Ф.И.О (полностью)	
Ученая степень	
Ученое звание	
Иные почетные звания	
Должность	
Место работы, учебы (полное наименование организации)	
Адрес места работы, учебы (с указанием индекса)	
Контактный телефон (с указанием кода города)	
Адрес электронной почты	
Адрес, на который следует выслать авторский экземпляр журнала (с указанием индекса)	
Иные сведения	

Направляя и подписывая данную анкету, автор дает согласие на то, что представление рукописи статьи в адрес редакции журнала «ВИКТИМОЛОГИЯ», является конклюдентным действием, направленным на передачу редакции исключительных прав на произведение: права на воспроизведение и права на распространение, а также на размещение статьи в электронной версии журнала в открытом доступе в сети Интернет.

«___» _____ 20__ г. _____/_____/

* В случае подготовки статьи в соавторстве анкета предоставляется каждым из авторов.